Екатерина Бакулина

Заклинатели Бер-Сухта

Екатерина Бакулина

Заклинатели Бер-Сухта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69857371
SelfPub; 2023

Аннотация

Отец отправил меня учиться в провинциальный холодный Бер-Сухт, вместо престижной академии магии совсем рядом. Я была в ужасе – никогда еще не приходилось оставаться одной так далеко от дома, жить в таких условиях. Казалось, моя жизнь кончена. Тогда я еще не знала, что у отца на это были веские основания. Не знала, что это единственный шанс для меня. Что за мной уже начата охота. И что мир уже начал меняться, это не остановить, по-прежнему никогда не будет. Мне придется многому научиться. Я должна справиться.

Содержание

Часть 1. Магия под запретом. Глава 1 5
Глава 2 23
Глава 3 40
Глава 4 62
Глава 5 76
Глава 6 89
Глава 7 104
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Екатерина Бакулина
Заклинатели Бер-Сухта

Часть 1. Магия под запретом. Глава 1

Белобрысого парня я увидела еще на станции, только выйдя из поезда. Не разглядела толком, но успела поймать его внимательный пристальный взгляд. Слишком пристальный для случайного любопытства. Что-то было в этом такое, что я вздрогнула.

Но мгновение, и он исчез. Я покрутила головой, не нашла. Подумала даже, что показалось. И, наверно, убедила бы в этом себя, если б не встретила его позже. Поняла, что зацепило взгляд – светлые волосы. Уроженцы Этора все темные, а этот… он такой же как и я, он с юга, из Илитрии скорее всего. Откуда здесь?

Я не знала, что думать.

Мне было не по себе. До слез. Не из-за парня даже, а из-за того, что казалось – вся моя жизнь оборвалась. Все кончено. В мои семнадцать… Я одна вдали от дома… впервые одна. Впервые так далеко.

Отец отправил меня учиться магии. В Бер-Сухт, крошечное училище на краю земли, на самом севере, притом, что совсем рядом с нами был Литьяте, я могла бы выбрать специальность получше и даже приезжать домой по выходным.

А тут… Иногда мне казалось – отец меня ненавидел.

Но он настоял. Собрал мои вещи, ничего не объясняя. Оплатил сразу за год. Посадил на поезд.

И вот я здесь.

От вокзала до скалы, на которой стояло училище, чуть в стороне от города Налар-Сухта, идти далеко, тем более с чемоданами, поэтому я взяла экипаж. Деньги у меня были, немного, но все необходимое я точно могла позволить себе без труда. Извозчик высадил меня у лестницы, глянул наверх и хмыкнул снисходительно, что дальше мне самой, он ни за какие деньги не станет затаскивать чемоданы туда.

Что ж. Мне придется привыкать. Я поблагодарила.

Всегда знала, что Бер-Сухт приютился высоко в скалах, но одно дело знать, другое – видеть своими глазами. Когда я поняла, на какую высоту придется лезть, то закружилась голова. И еще больше закружилась, когда я поняла самое главное – бегать вверх-вниз придется постоянно.

У меня с собой два чемодана, и я не представляла, как затащу их. Можно было попробовать по одному, один оставить, потом вернуться… Но подниматься два раза подряд я, пожалуй, не смогу, это уже слишком. Так что, держа по чемодану в каждой руке, беспрестанно путаясь в длинных юбках, я изо всех сил пыталась прижиматься к боковой стене и не смотреть вниз. Никаких перил, никаких ограждений не было. Если вдруг я поскользнусь и сорвусь вниз… Даже ду-

мать страшно.

Вся красная и взмокшая, на трясущихся ногах, кое-как дотащила вещи до небольшой площадки, где-то на четверти пути, бросила все, села, пытаясь отдышаться. И это еще притом, что склон пока был пологий, ступени низкие и широкие, а вот дальше, насколько я могу судить, пойдет настоящая жесть.

Как же люди тут учатся? Может поэтому никто не хочет ехать в Бер-Сухт? Хотя не поэтому, конечно… но это ужасно!

Я сидела, стараясь прийти в себя и собраться с силами, даже на время закрыла глаза.

А когда открыла – передо мной стоял здоровенный бородатый мужик. Я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Привет, – сказал он. – Любуешься видом?

– Что?

Он смутился, видимо, выражение лица у меня было такое… красноречивое. Я пригляделась… да нет, почти мальчишка, просто борода делала его старше.

– Прости, – неуверенно сказал он. – Отдыхаешь? Тебе наверх? Хочешь, я помогу донести вещи?

Выговор у него был жуткий, какой-то квакающий. Ригдельский? И выглядел он, мягко говоря, странновато, больше похож на бродягу или бандита, чем на студента-заклинателя. Может, парень работает где-то там или пришел по делам? Но кто в моем положении станет отказываться от по-

мощи?

– Давай. Спасибо.

Он подошел, взял мои чемоданы. Легко.

Для него, кажется, в подъеме вообще не было никакой проблемы, он шел с моими тяжеленными вещами привычно и быстро, так, словно они ничего не весили, поначалу даже прыгая через две ступеньки. Еще бы, у него ноги длинные, такой здоровенный лось, я ему и до плеча не достаю. Но потом оглянулся на меня. Я шла осторожненько, держась за стену. Пыталась, конечно, не отставать, но куда там.

Он оглянулся и снова смутился, очень искренне.

– Прости, я не подумал…

Подождал и пошел рядом, по самому краю… и не страшно ему, ступеньки здесь не очень широкие, на двоих – в обрез.

– Ничего, – вздохнула я. – Просто не привыкла к таким лестницам.

– Ничего, привыкнешь, – беспечно улыбнулся он. – А ты учиться к нам?

– Да, – сказала я.

«К нам»?

– Я тоже, – сказал он. – Тоже недавно приехал. Я могу тебе все показать.

– Надеюсь, часто ходить по этой лестнице не придется.

– В город другого пути нет, – сказал он. – Я вот, ходил на рынок, за рыбой.

– За рыбой? Вас что, тут не кормят? – удивилась я.

Он кивнул, улыбнулся сквозь бороду.

– Не кормят. Хочешь, я угощу тебя обедом?

Ох… Мне бы подняться сначала. Хотя, обед – было бы здорово. Даже в животе заурчало.

– А как тебя зовут? – спросила я.

– Хаген. А тебя?

– Соле. Ты здесь на стипендии, да?

Он неопределенно хмыкнул.

– Это так заметно?

Я пожала плечами. Но да, со своей бородой, потрепанной засаленной курткой и страшным выговором, он не был похож на человека, способного заплатить за обучение. Только ведь это значило и другое.

– Везет, – сказала я, – мне до стипендии, как до луны, способностей не хватит.

Он вздохнул, отвернулся вдруг, словно гордится тут было нечем.

Потом мы шли, почти не разговаривая, у меня дыхания не хватало на разговоры, а Хаген, похоже, не очень-то хотел. Чем дальше, тем круче становился подъем, выше и уже ступеньки, на каждую мне приходилось едва ли не вскарабкиваться. В конце концов, я наступила на юбку, споткнулась и, наверняка, полетела бы вниз, если бы Хаген не подхватил под руку. При этом он еще умудрился не упустить чемоданы, держа один и подпирая ногой второй.

– Знаешь что, – сказал он, – ты посиди здесь, а я отнесу

твои вещи наверх и вернусь.

Я попыталась улыбнуться.

– А потом отнесешь меня?

– Да, – совершенно серьезно сказал он. – Потом тебя.

– Я сама дойду…

– Хорошо, – согласился он. – Сама. Только пусть лучше у меня будут свободны руки, чтоб ловить тебя, если снова поскользнешься.

Ну, что тут скажешь…

Немного неловко от собственной беспомощности, но самой идти страшно. Подожду. У меня ноги подкашивались, тряслись коленки, и не столько от усталости, сколько от нервов. Никогда не думала, что так сильно боюсь высоты. Оставшись одна, я осторожно села подальше от края, к самой стене. Честно говоря, даже пошевелиться было страшно, не то, что подниматься, все казалось – одно неверное движение и меня сдует ветер. А Хаген так резво ускакал вверх…

Я сидела и сидела.

Казалось – столько времени прошло, ужасно долго, целая вечность. Он давно должен был вернуться. В какой-то момент я даже решила, что Хаген забыл про меня, или, хуже того, решил посмеяться… Чуть не расплакалась. Сейчас посижу немного и, если он не вернется, придется как-нибудь самой, хоть на четвереньках… Надо привыкать.

Я уже почти отчаялась, когда Хаген наконец появился из-за поворота лестницы.

– Соле! – помахал рукой. – Как ты тут?

– Прекрасно, – отозвалась я. – Любуюсь видами.

Он улыбнулся.

– Давай руку, пойдем.

– Пойдем.

Никогда не думала, что у магов, даже у будущих, даже у простых заклинателей, могут быть такие руки. Мне всегда казалось – у них должны быть тонкие длинные пальцы, чувственные и изящные, как у музыкантов. Мои руки, конечно, тоже от совершенства далеки, но… У Хагена была здоровенная, жесткая и даже шершавая ладонь, очень грубая, больше подходящая рабочему с завода, чем магу… Зато держал он надежно и крепко, я даже бояться перестала.

И еще, я сначала не поверила, ведь такого не могло быть…

– Хаген, у тебя нет кольца?

В его лице что-то болезненно дрогнуло.

– Нет, – сказал он. – Я принес присягу.

Широкое серебряное кольцо надевают, как только узнают о способностях к магии, я надела в двенадцать лет. Оно помогает контролировать энергию, помогает не допустить случайных выбросов. С помощью кольца можно всегда определить, где молодой маг находится, помочь ему, если он попал в беду. Некоторые сравнивают кольцо с ошейником, который держит на привязи, но оно, в первую очередь, призвано защитить… Магия слишком опасна, если не умеешь с ней обращаться, и для тебя, и для других.

Присяга – это совсем другой уровень. Присягу приносят закончившие обучение маги Литьяте, полностью овладевшие искусством, кольцо для них больше не имеет смысла, они овладели контролем и подтвердили свои знания. Их кожа прошивается тонкими, словно волоски, серебряными нитями. Нити выполняют ту же роль, но их влияние намного выше. Магу, принесшему присягу, можно отдать прямой приказ…

– Ты что, настоящий маг?

Хаген мотнул головой.

– Нет. Я никогда не учился. Но у меня очень высокий уровень магии, кольцо не справляется. И я не умею магией управлять. Поэтому, чтобы сдержать хоть, решили так.

Он поджал губы.

– Ого! – сказала я.

Хаген промолчал, только еще больше насупился, словно в этом было что-то ужасное.

Жилой корпус высился мрачной громадой. Он казался пустым, многие окна были заколочены, какие-то просто разбиты. Слева от входа, между корявыми соснами, сушилось белье, ветер яростно трепал чулки и рубашки. Да, ветер на такой высоте был просто жуткий, пронизывающий насквозь.

– Здесь всегда так холодно? – спросила я.

Хаген пожал плечами, словно холод его не беспокоил вовсе.

– Пока еще лето.

Будет хуже.

Он провел меня через боковой вход, по узкому темному коридору, сама бы я не нашла. Даже не верилось, что придется здесь жить, это как-то неправильно… Я не смогу так. Но больше всего меня ужаснуло то, что в комнате нас пятеро! Три девушки и два парня. В соседней, как сказал Хаген, пять парней, тоже с нашего курса. Весь второй курс, в полном составе, всемером, живет в одной большой комнате слева от кухни, а третий – в двух, по шесть человек. Это мы еще удачно! А ведь изначально комнаты рассчитаны на двоих.

И дело не в том, что не хватает места. Не хватает дров на зиму. Скоро холода и много комнат не протопить.

Непостижимо… У нас в Салотто всегда тепло. Я не привыкну…

На кровати слева сидела рыжая девушка, закутавшись в плед, и шила платье.

Подняла голову, когда я вошла, улыбнулась.

– Привет! – сама поднялась легко. – Новенькая к нам?

– Да…

– Я Джара, – она по-мужски протянула мне руку. – Ты последняя. У нас осталась кровать наверху, вон второй ярус, над Иной. Вон там свободная тумбочка. Располагайся. И пойдем тогда, наверно, на кухню – знакомиться и пить чай.

Я глянула на Хагена, но он только как-то неопределенно улыбнулся, то ли извиняясь, то ли сожалея о чем-то. И с нами

пить чай не стал, да Джара его и не приглашала. Уже тогда я заметила, что Хаген держится отдельно, он положил пакет с рыбой в маленький ящичек за кухонным окном, и ушел. Мы сидели втроем – я, Джара и Ина еще.

Ина – невысокая пухленькая девушка из эторской глубинки, ее отец занимается овцами, вроде как, дела идут неплохо. Ее дядя – заклинатель, тоже учился в Бер-Сухте, даже ее кое-чему сумел научить управлять животными и останавливать кровь…

– Ты умеешь колдовать? – удивилась я.

Мне всегда говорили, что без лицензии это невозможно. Ина глянула на меня, как на дуру, даже чуть закатила глаза.

– Конечно, невозможно, Соле. Вот же – кольцо! – она помахала передо мной растопыренной ладошкой.

Я чувствовала подвох.

– Соле, ты никогда не снимала его? – спросила Джара, с легкой иронией.

– Но ведь снимать нельзя?

Однажды, еще в детстве, я сняла кольцо ненадолго, просто так, посмотреть, я и не собиралась колдовать. Через час к нам в дом приехал инспектор. Меня потом замучили проверками и тестами, целых полгода непрерывно… Потом стало спокойнее. Но то, что снимать опасно – я запомнила на всю жизнь.

А Джара легко стянула с пальца свое, повертела, подкинула на ладони, потом надела снова.

Мне стало не по себе.

– И никто не приедет? – спросила я осторожно.

– Кто? – удивилась Джара. Ее зеленые глаза смеялись.

– Инспектор.

– Сюда? Нет, сюда никто не приедет. Если, конечно, не будешь слишком наглеть.

– А ты когда-нибудь использовала магию? – спросила я Джару.

– Нет.

Она ответила так, что я хорошо поняла – она никогда не пыталась. Легкая доля сожаления – хотела бы, но не могла. Если для Ины магия была обыденной частью жизни, то для Джары магия – совсем другой мир, дверь в который она только надеялась открыть.

Джара насыпала нам в кружки немного чая, залила кипятком.

– Моя мать была шлюхой, – спокойно сказала она. Так спокойно, что мне стало как-то неловко. – Когда она забеременела, то была уже не молода, с ней не стали возиться, выкинули на улицу. Я родилась в сточной канаве. Да, не бледней так, Соле, – она криво усмехнулась. – Я всегда рассказываю сама… лучше так, чем потом… кто-то все равно узнает правду и начнет тыкать в лицо. Лучше сама. Я не стыжусь. Я очень люблю свою мать, она делала для меня все, что могла. Когда я была маленькая, она бралась за любую работу, даже самую черную и грязную. Потом начала шить, из нее

вышла замечательная швея. Сначала за гроши перешивала и штопала разные лохмотья, потом дела пошли в гору, к нам начали заглядывать даже дамочки, вроде тебя…

Джара протянула мне кружку. Я взяла, машинально отпила глоток, обожглась, дернулась и чуть не разлила оставшееся. Джара лишь снисходительно вздохнула.

– Ты аккуратнее, – сказала она.

Потом, слабо улыбнувшись чему-то своему, обхватила кружку ладонями, задумчиво, словно греясь. Наклонила голову на бок, разглядывая меня.

– Ты когда-нибудь работала, Соле? Приходилось самой зарабатывать деньги?

Я мотнула головой. Вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, которая совсем не знает жизни.

– А мне приходилось, – тихо сказала Джара. – Три года назад мама ослепла. Мне было четырнадцать, и…

По ее лицу пробежала тень, она закусила губу, замолчала.

В тишине стало слышно, как гудит за окном ветер, бьет порывами в стекло…

У меня ведь совсем другая жизнь была. Как вышло, что я попала сюда?

Я родилась в Салотто, столице метрополии. Мой отец – управляющий портовыми складами. У нас большой светлый дом на Персиковой улице на холме. Солнце пронизывало его насквозь, врываясь в широкие окна, отражаясь в зеркалах, играя тысячами бликов в хрустале изящных люстр. Неж-

но-розовые олеандры в палисаднике, во дворе сливы и инжир, а еще старый кряжистый гранат, который был, кажется, старше дома, а мама сидела под ним с рукоделием. В детстве мне казалось – это самое прекрасное место на земле, нет ничего лучше. Из окон видно море и корабли.

Маму я помню плохо, она умерла, когда мне было пять лет. В детстве казалось – из-за меня. Конечно, я не виновата, но ведь я первая заболела хисирской оспой, не знаю уж, где подхватила, может быть в порту, куда бегала вместе с отцом. Отец не заболел, а вот мама, которая сидела у моей постели, заболела и умерла.

Отец горевал очень долго. И это он тогда убедил меня, что я виновата, что если бы не я – мама была бы жива. Но я понимаю его, и не держу обиды. Он был не в себе в те дни, и потом просил у меня прощения, но… Я выросла с чувством вины. Даже сейчас не могу отделаться.

Оспа изуродовала мне лицо. Лет до двенадцати я вся была покрыта жесткими страшными рубцами, другие дети смеялись и не хотели со мной играть. Я, и без того не слишком общительная, стала совсем дикой. А отец с каждым годом становился все строже и жестче, он скучал, и, хоть и не говорил больше, но все равно винил меня.

В двенадцать он отвел меня к хорошему целителю, который привел мое лицо в порядок. Именно тогда и обнаружились способности к магии, небольшие, конечно, но это сразу поставило перед выбором. Тогда я надела кольцо. А

теперь, став совершеннолетней, я должна была либо согласиться на стерилизацию, получить инспектора и ежемесячно проходить проверки, либо пойти учиться и получить лицензию.

Отец не спрашивал – чего я хочу. Не спрашивал, готова ли я уехать так далеко. Он просто решил все сам. Иногда мне кажется – решил избавиться от меня.

Я все равно хочу домой.

Я едва приехала, едва успела увидеть, но так безумно хочу домой. Я не выдержу.

Это не моя жизнь.

Но я сидела, наблюдая, как Ина достает пирог с капустой, отрезает нам. Пахнет сногсшибательно.

– А Хаген? – запоздало спохватилась я. – Он не пьет чай?

Ина скривилась.

– Лягушка никогда не сидит с нами.

Я хотела спросить почему, и что не так, но тут шаги в коридоре. Джара тоже услышала, повернула голову.

Скрипнула дверь.

– А, вот вы где!

На пороге стоял парень…

О-ооох! Это ведь он! Это ведь его я видела на станции. И сейчас он здесь, смотрит на меня… Признаться, мгновения хватило, чтобы потерять голову. Мне даже показалось – он пришел за мной. Глупо, конечно.

– Привет, Лан. Хочешь чаю? – предложила Джара.

– У меня есть предложение получше! – он покачал в руке небольшую корзинку, потом подошел, поставил на стол. – Приготовишь?

Джара заглянула, довольно потерла руки.

– Какой красавчик!

– Я знала, что ты меня любишь! – Лан приобнял ее за талию и Джара шутливо стукнула его по руке. Ткнула в корзину.

– Он красавчик! Не ты!

В корзинке лежал, слабо трепыхаясь, здоровенный морской угорь.

– А я? – весело ухмыльнулся Лан. – Кстати, к нему бы еще хорошего вина,

– Ха! Вина ему! – Джара вытащила угря из корзины, с интересом разглядывая. – Вино будешь пить дома, с папочкой. Самогонку доставай, будем отмечать приезд Соле.

– Соле? – Лан повернулся ко мне, посмотрел так, что замерло сердце, улыбнулся мне. – Рад знакомству. Ты же с нами? Отмечать я всегда готов!

– Да, – тихо сказала я. Теперь с ними…

Лан полез в шкафчик и откуда-то издалека извлек здоровенную бутыль, поставил на стол. Честно говоря, никогда не пила такое… но ведь и не откажешься.

– И как тебе здесь? – спросил он.

– Хорошо, – сказала я, даже не очень понимая, о чем он спрашивает, просто смотрела на него… Это было… – Подо-

жди, я ведь видела тебя на станции?

– Да? – удивился он. – Может быть. Я на почту по делам, там рядом со станцией забегал.

Джара глянула на него чуть удивленно, потом на меня, но промолчала.

– А откуда ты, Соле, – спросил Лан.

– Из Салотто.

– О! А почему к нам?

Илитрийцы не едут в Бер-Сухт, у них и получше есть.

– Так получилось.

Что я еще могла сказать. Объяснить бы не смогла.

Джара положила угря на стол, взяла нож, одним точным движением отрезала голову, принялась методично разделывать. Какое-то время угорь еще истерично дергал хвостом. Я отвернулась.

– У тебя не хватило денег на Литьяте? – спросил Лан. – Или ты что-то имеешь против него?

Я даже растерялась. Как можно быть против? Ведь это единственное… ну, в любом случае, лицензию выдают только там, даже после обучения в Бер-Сухте. Все знали – магия это Литьяте в первую очередь.

– Меня отец отправил сюда… я не знаю…

– Понятно, – Лан улыбнулся, откупорил бутыль, взял наши чашки, небрежно выплеснул чай в окно и налил прямо в них примерно до половины. – Давайте. За знакомство!

– Да подожди ты, – фыркнула Джара, – дай с рыбой закон-

чу, у меня руки грязные.

– Ина, Соле? – Лан поднял кружку.

– Алкаш, – категорично заключила Джара.

Лан улыбался, глядя на меня… у него были такие глаза… небесно-голубые, ясные, сияющие. Он ждал. У меня мурашки побежали по спине. На меня никогда парни так не смотрели… вообще не смотрели никак. Я должна была что-то сделать или хотя бы сказать, вот прямо сейчас, иначе никогда себе этого не прощу. Я… Я схватила свою кружку и разом, пока не передумала, сделала большой глоток. Обожгло горло и перехватило дыхание… О-ох, какая крепкая! Аж слезы из глаз. Лан засмеялся, поднял свою кружку в шутливом салюте и выпил – залпом, до дна, даже не поморщившись, словно воду.

– Что-то много у нас илитрийцев в этом году, – заметила Ина. – Да все прям из столицы.

– А кто еще? – спросила я.

– Да вот этот зажравшийся придурок. – Джара указала на Лана ножом, принялась дальше переворачивать кусочки угря на сковородке. – Сенаторский сынок, между прочим. Что он здесь делает, не пойму. У него с рождения было все и даже больше, поэтому он ничего не ценит. Ты спроси, почему он здесь?

– Почему?

– Придурок, – сказала Джара.

Лан налил себе еще, целую кружку, и молча выпил.

Мы просидели до самого вечера, много говорили… самогонка так ударила мне в голову, что я плохо помнила о чем. В глазах все плыло и шумело в ушах… Мне кажется, Лан играл на гитаре… Я уже совсем клевала носом, когда он поднял меня на руки и отнес на кровать, снял ботинки, накрыл одеялом. Словно маленькую девочку.

Сквозь сон я слышала, что они там еще сидят на кухне, слышала смех.

Хаген лежал на кровати у окна. А ведь он звал меня пообедать, а я… Глупо все… Неудобно вышло.

Проснулась от того, что Ина укладывалась на свою кровать подо мной, Джара с Ланом шептались о чем-то, тихо хихикая, Хаген встал, пошел на кухню. Я слышала, как он гремел там сковородками…

Глава 2

Когда я проснулась утром, в комнате никого не было.

Очень долго лежала, пытаясь собраться с силами и вылезти из-под теплого одеяла в холод. Утром все казалось еще хуже, если бы могла, я бы сбежала отсюда. Да еще голова…

Кутаясь в плед, вышла на кухню, там сидели старшекурсники, жарили яичницу, завтракали. Я поздоровалась, поставила чайник, пошла искать кого-нибудь из своих.

Никого.

Мне сказали – Лан ушел на работу, он работает тут в порту до начала занятий, ему нужны деньги. А Джара с Иной, скорее всего, ушли прогуляться в город… или по делам, у Джары там тоже заказы. У всех дела.

А я… Я не понимала, чем занять себя.

Неужели теперь так будет всегда?

Было так непривычно, одиноко. Не по себе. Во дворике гулял ветер, завывая в разбитых окнах. Иногда еще мне казалось, что в его вое я слышу голоса, чужие, непонятные, на незнакомых языках… голоса кружили надо мной.

Очень хотелось есть, но за продуктами, похоже, тоже придется идти в город. По лестнице. От одной мысли об этом тряслись коленки. Спускаясь, нужно смотреть под ноги, а от высоты у меня кружилась голова. Нет… Не сегодня. Как-

нибудь обойдусь. Не знаю как, но пока не в силах. У меня немного сухого печенья оставалось, из того, что брала в дорогу с собой.

Я подошла к парапету смотровой площадки. Страшная высота, внизу скалы, камни… если вдруг навернуться отсюда – от меня просто ничего не останется. На мгновение даже показалось – это лучший выход. Я не смогу тут… До слез.

Вдали гудело море. Оно почернело, вздыбилось белыми барашками, низкие облака набухли от влаги, отяжелели, еще немного и прольются дождем. Кое-где, на горизонте, мелькали огненные всполохи.

Я стояла, смотрела на море, на облака…

Скорее почувствовала, чем услышала, что кто-то подошел. Обернулась, сначала не узнала.

– Хаген?

Он неуверенно улыбнулся, потер гладко выбритый подбородок.

– Привет, Соле. Мне давно говорили, что студентам борода не положена, так что…

Сейчас он казался совсем мальчишкой, так изменился.

– Привет, – сказала я. – Без бороды намного лучше.

Он передернул печами, заметно смущаясь.

– А ты собираешься в город?

– Не знаю. В город я пока боюсь. С меня вчерашнего подъема хватило.

Хаген улыбнулся.

– Ты завтракала? Хочешь?

Протянул мне завернутые в салфетку пирожки. Я чуть растерялась даже.

– Не надо… спасибо, но я…

Попыталась вернуть, но он не взял.

– Но ты не голодна? – усмехнулся даже, не поверил. – Нет. У тебя ведь ничего не было, ты не завтракала. Бери, не стесняйся, я уже сбегал в город с утра, купил себе и тебе, свои по дороге съел. Это тебе. В следующий раз ты меня угостишь.

Ох. Соблазн был очень велик. А возможность вернуть потом – Хаген ведь никуда не денется от меня, нам учиться вместе. Я потом отдам ему.

– Спасибо, – сказала я.

Ужасно кстати.

– Тебе уже показали, что тут и где? – спросил Хаген.

Он показал мне учебные корпуса и небольшой огород, на котором кто-то выращивал летом тыкву, кабачки и морковь, там был еще небольшой парник с помидорами, но в парнике уже все засохло. Показал мне, где можно помыться и набрать воды для стирки, сарай с дровами и небольшую кладовку, куда можно складывать запасы еды.

С ним было так просто и спокойно, словно я знала его всю жизнь.

И в город мы все же пошли.

С Хагеном по лестнице идти было не страшно, он крепко и надежно держал меня под руку. Я даже немного глаза при-

крывала в начале, смотрела только под ноги, но потом успокоилась.

Мы бродили по улицам просто так, без всякой цели, разговаривали. Мне казалось – обязательно нужно что-то говорить, молчание пугало меня, тяготило. Казалось, что глупо и неправильно бродить молча. И я старалась, как могла, рассказывала про дом, про Салотто, про корабли… про разное. Все, что приходило в голову. Хаген, в основном, слушал. Он молчал, и молчание ничуть не смущало его, а потом и я успокоилась. Можно просто ходить и молчать. Мы бродили, разглядывали людей, дома, вывески, каменное морское чудовище на главной площади. Чудовище было огромно. Хаген долго хмуро глядел на него.

– Оно словно живое…

Хаген протянул руку, чуть погладил.

Мне тоже сначала показалось, что чудовище настоящее, просто застывшее на минуту. Чудовище взрывало мостовую страшными щупальцами, ломая брусчатку, поднимаясь на длинных ногах едва ли не выше ратуши. Между ног, прямо под брюхом, ходили люди. Сбоку сиротливо прилепилось объявление о продаже дома.

Потом как-то незаметно мы вышли к рынку. Здесь, в отличие от Салотто, рынок казался маленьким, даже скромным – всего несколько рядов с местными товарами. Здесь жили просто, и как-то иначе.

Купили продукты на вечер и завтрашнее утро. Было

немного непривычно делать это самой, у нас всегда была кухарка. Но я научусь тоже.

Еще я купила бусы…

– Что это у тебя? – Джара смотрела с легкой усмешкой, когда вечером я показала ей.

– Бусы, – сказала я.

Мне вдруг начало казаться, что я снова, как в детстве, сделала какую-то глупость или даже что-то неприличное.

– Игрушка из морских камешков?

– Нет… это кораллы…

Мне так сказали! Тетка в лавке так расхваливала свой товар… Я перемерила почти все, глядя в зеркало, а Хаген говорил, что мне очень идет… И тут…

Джара снисходительно усмехнулась.

– Это Лягушка, купил тебе такие?

– Кто?

– Хаген. Он ужасно квакает… Это он? Я смотрю, он даже побрился? Для тебя старался?

– Что? Причем тут я?

– Так это он подарил?

– Нет… я сама… – и смутилась окончательно.

Лан, до этого сидевший в стороне, подошел, долго рассматривал, потом покачал головой.

– Таких камешков много на берегу, – сказал он. – Мне казалось, что такая девушка, как ты, Соле, должна разбираться.

Щеки словно огнем обожгло – обидно и стыдно одновременно. Особенно слышать вдруг от него. Такая, как я? Что он может обо мне знать? Я выросла без матери, из женщин в доме – только старая усатая экономка. Серьги и ожерелья я видела только на других, отец никогда не покупал мне, всегда говорил, что мне еще рано, что девочкам не нужно, я же не собираюсь замуж прямо сейчас. А потом я увидела мамино на той…

Я закрыла глаза.

Что я могу об этом знать.

– Соле… – Лан протянул было руку, но я отшатнулась.

Выскочила на улицу. Никто не стал догонять.

* * *

– Вечером в "Морского дракона?" – предложила Джара.

Она стояла у плиты, варила нам на завтрак овсяную кашу на молоке. На продукты мы начали скидываться все вместе, вчетвером – я, Джара, Ина и Лан. Моя доля была чуть больше, но я освобождалась от готовки, потому, что ничего не умела. Готовили, в основном, Джара и Ина, мы с Ланом мыли посуду, я тарелки, а он кастрюли и сковородки, а еще Лан таскал с рынка самые тяжелые сумки. А вот Хаген чаще держался особняком. Я пыталась как-то вовлечь его, но и сам он не слишком стремился в нашу компанию, да и Джара с Иной смотрели чуть пренебрежительно, даже не знаю, как

так вышло. Хаген всегда был не таким… чуть не от мира сего. Слишком не от мира. Молчаливый, замкнутый. Я всегда думала, что это я такая дикая и странная, но вот, он оказался еще больше.

Иногда удивлялась, как вышло, что меня приняли, ведь дома почти не было друзей.

Иногда казалось – это все Лан, это держится на нем. Только зачем ему? Ну, я-то ему зачем?

Джара говорила, что в «Морского дракона» они уже ходили пару раз, там отлично, весело, танцы и дешевое пиво.

– Не сегодня, Джар, – улыбнулся Лан. – У меня закончились деньги,

– Что? – удивилась она. – Куда ты их дел?

– Да вот, совсем забыл, – Лан неожиданно подмигнул мне, похлопал себя по карманам. – Соле, у меня для тебя маленький подарок, еле нашел.

На его ладони лежала очень изящная серебряная подвеска в виде цветка, с крупной жемчужиной. Я замерла.

– Что это? – спросила очень глупо.

Лан заулыбался шире.

– Это тебе. Мы недавно так раскритиковали твои бусы, ты так расстроилась, что я решил все исправить. Это настоящий жемчуг и хорошая работа.

В это невозможно было поверить. Почему?

Лан взял за цепочку, попытался застегнуть на моей шее. Я вздрогнула, попятилась.

– Нет, Лан, я не могу. Ты что…

– Не говори глупостей, – Лан уверенно поймал меня за талию, притянул к себе. – И стой спокойно. Я даже слышать ничего не хочу.

Я знала – Лан сын сенатора Такакту Латаре, «золотой мальчик»… Я понимала, такие жесты, скорее всего, ничего не значат для него, он привык так поступать. Но я так же знала, что он разругался с отцом, бросил Литьяте, после второго, кажется, курса и теперь пытается жить самостоятельно. У него есть только то, что может заработать он сам.

Цветок приятной тяжестью повис на шее. Я осторожно дотронулась пальцами.

– Нравится? – спросил Лан, на его лице играла блаженная улыбка.

– Да, – сказала я.

– И ты спустил на эту дурь все, что у тебя было? – Джара покачала головой.

– Угу. Мне даже скидку сделали, глядя, как я собираю мелочь по карманам.

Лан был очень доволен собой.

Но Джара этой радости не разделяла.

– У тебя нет денег, ты все потратил. У тебя нет стипендии. Скоро начнутся занятия, и ты не сможешь работать. Что ты собираешься делать, Лан?

После Литьяте его не хотели брать сюда, не дали стипендии, и Лан платит за свое обучение сам.

– Что-нибудь придумаю, – он беспечно пожал плечами.

– Надеешься, папочка пришлет тебе денег?

– Нет.

– Надеешься, что я буду просто так кормить тебя?

– Джар, не будь такой занудой. Ты мне не жена, чтобы пилить.

Джара поджала губы.

– Хорошо, – с вызовом сказала она. – А слабо подарить мне такую же, но из золота? Я не люблю дешевые побрякушки.

* * *

Я не видела Лана несколько дней, почти до самого начала занятий, он не появлялся, не приходил спать. Да, я волновалась. И отчего-то чувствовала себя виноватой, хотя уж я-то точно ничего не сделала. И не нужно мне никаких украшений, если все выходит вот так. Я не просила. Зачем? Я даже готова была отдать свой цветок Джаре…

Лан разберется сам, он большой мальчик, на три года старше меня, между прочим. Мне будет ровно столько, когда я закончу Бер-Сухт, когда начну жить самостоятельно. Тогда уже никто не будет бегать за мной и переживать. И все же…

Это из-за меня.

С Джарой мы почти не разговаривали. Не ссорились, она не говорила мне ничего плохого, но каждый раз рядом с ней

я чувствовала напряжение, она так смотрела на меня… Джара всегда была занята, что-то шила, вышивала, украшая бисером, а я только слонялась без дела. Старалась поменьше времени сидеть рядом с ней. Единственное развлечение – мы с Иной раскладывали пасьянсы. Но Ина больше времени проводила с Кером и Регаром, парнями с нашего курса, близнецами из небольшой эторской деревушки, ей было интереснее со своими. Ина вообще была очень практичной, спокойной и основательной девушкой.

Без Лана нашей дружбы не выходило, мы слишком разные.

Хагена я тоже почти не видела, он уходил рано утром, пропадал где-то весь день и возвращался только ночью, когда все спали. Мне казалось, он тоже чувствовал себя неловко, совсем как я. Иногда мне хотелось подойти, поговорить, я прекрасно знала, что такое – быть одной. Я и сейчас была одна. Но я боялась, что если начну как-то особенно дружить с Хагеном, меня тоже начнут избегать. Я думала даже, что если бы я не пошла с ним тогда гулять в город, все было бы нормально, ничего бы не случилось. И мне было немного стыдно за эти мысли.

Казалось, скоро вернется Лан и все изменится, мы снова будем всем вместе… все вместе.

Но нужно выбрать, на какой я стороне.

Лан появился неожиданно, поздно вечером. Мы с Иной

уже легли спать, Джара еще сидела…

Он вошел. В первое мгновение я не узнала его, хотя, казалось бы, Лан совсем не изменился. Но что-то было в его лице – совсем чужое, взрослое. Я замерла, испугалась.

Не говоря ни слова, он подошел к Джаре, положил ей на колени маленькую блестящую вещичку. Глянул в глаза. И вышел. Все так же, без слов.

Золотой цветок с черной жемчужиной.

Я видела, как Джара закусила губу, долго неподвижно смотрела на украшение. Потом вдруг швырнула ее в сторону, вскочила на ноги и выскочила за дверь, вслед за Ланом, наверно.

Этой ночью она больше не возвращалась.

Увидела Джару только утром… их вдвоем с Ланом, на кухне.

Лан жарил яичницу на двоих.

* * *

Над старой набережной плыли рыбы.

Когда-то уровень моря был ниже, а теперь набережная, старые доки и даже некоторые дома, оказались затоплены водой. Мостовая покрылась илом и галькой, заросла ракушками, уличные фонари покосились, стайки рыбок шныряли сквозь проемы окон.

Город поднялся выше, отгородившись от моря массивным

каменным валом.

– Давай руку.

Лан помог мне забраться на смотровую площадку, ступеньки здесь очень крутые.

За валом открывалось море.

Джара уже давно поднялась и стояла у парапета, ветер трепал рыжие волосы. Она была так ослепительно прекрасна, что даже у меня захватывало дух. Словно морская нимфа – высокая, стройная, необыкновенно изящная, каждое движение похоже на танец…

– Так красиво… – сказала она, чуть откинувшись назад, чуть улыбаясь. Ее глаза сияли, ярко-зеленые, как и у всех хисирцев. Мне казалось, на море ей плевать, она глядела только на Лана.

А Лан все еще держал меня за руку.

– Очень, – сказал он. – Соле, смотри, там киты!

Я тоже видела их – вдали, на глубине, степенно появлялись и исчезали снова серые глянцевые спины, треугольные хвосты, высокие фонтаны водяного пара. Я замерла, затаив дыхание.

Лан обнял меня за талию.

У него очень сильные руки, но ладони такие мягкие… я вдруг подумала – как странно, ведь рассказывал, что больше года он ходил на китобойце матросом, сам заработал себе на обучение, и сейчас подрабатывал грузчиком в порту. У матроса всегда много работы, руки загрубеют в любом случае,

и пусть сейчас уже никто не ставит паруса, но и без того…

Он, словно услышав мысли, подмигнул, взъерошил мои волосы.

– Девочки, давайте выпьем вина?

Мы ведь отправились за картошкой, но купили немного вяленого мяса и здоровенную бутыль дешевого домашнего вина из черноплодки. Ина убьет нас, она не пошла, осталась дома… сама виновата.

Стаканов не было, мы пили прямо из горла, сидели на самом краю вала, свесив ноги. Волны плескались внизу, разбиваясь о камни, летели соленые брызги.

Вино было ужасное, кислое, вяжущее, но такое крепкое, что сразу кружило голову. И мне было хорошо…

Нет, мне было ужасно плохо и ужасно хорошо одновременно, меня всегда разрывает на части в такие минуты.

Я ненавидела Бер-Сухт, меня достал этот холод, сырость, бытовая неустроенность, где даже летом приходилось спасть в кофте и шерстяных носках, у меня все руки потрескались от стирки в холодной воде. Я понимала, зачем тут Джара – ее таланта хватает, чтобы получить стипендию здесь, но слишком мало для Литьяте, у Джары нет денег, и пойти учиться – единственный шанс. Я понимала, зачем здесь Ина – ее талант невелик, за нее платит семья, но Литьяте им не потянуть. Да и уроженцы Этора традиционно предпочитают Бер-Сухт. Я знала, что для Хагена этот вопрос вообще не стоит, с ним все сложно… Знала, что Лан почти два года отучился

в Литьяте на деньги отца, но теперь пытается добиться всего сам. Быть сам по себе. Для него это вопрос принципа.

Для меня…

Пожалуй, единственное, что могло примирить меня с Бер-Сухтом – это люди. Друзья. Лан… Да, особенно он.

У меня никогда не было настоящих друзей, я росла дикой и необщительной. Нет, я пыталась, но не выходило ничего. Надо мной смеялись, меня не принимали. Из-за оспы очень долго была уродиной, да и сейчас не блистала красотой – маленькая, тощая, угловатая, больше похожая на мальчишку, волосы торчат в разные стороны.

Но здесь меня приняли сразу и легко. Может быть потому, что здесь все были такие же ненормальные, а то и еще хуже. А может… Мне все казалось – это из-за Лана. Он всегда был рядом со мной. В наших отношениях не было никакой романтики, даже намеков, но он всегда был рядом. Как друг, как брат. Я очень долго не могла поверить, мне казалось, такие парни даже смотреть не станут в мою сторону. Вообще никакие не станут. А Лан… Алатау Латаре. Он был принцем из сказки. Он был высок и атлетически сложен, и очень красив – у него были мягкие волосы цвета спелой пшеницы, правда очень коротко остриженные, у него были небесно-голубые глаза и длинные черные ресницы. Но, вместе с тем, он не выглядел смазливым мальчишкой, наоборот – очень строго и мужественно.

Когда я смотрела на него, у меня замирало сердце.

Как так вышло?

Лан улыбался мне.

Джара злилась. Мне казалось, она тоже не может понять, почему Лан со мной, а не с ней. Она ведь лучше, она больше это заслуживала…

Вот и сейчас.

Пошел дождь, сначала мелкий, потом все сильнее и сильнее, а мы все еще сидели на камнях. Мы были слегка пьяные, и, может, поэтому казалось, что дождь – это не страшно. У Джары в сумочке оказался зонт, она всегда была запасливая. У Лана – брезентовая куртка с капюшоном. А у меня – ничего. Я только подняла воротник, но это не спасало. Струи дождя текли у меня по лицу, волосы намокли, превратившись в противные сосульки. Я хотела попроситься под зонт к Джаре, но она не предлагала сама, а я слегка стеснялась.

И тогда Лан просто взял и снял свою куртку, накинул мне на плечи, натянул капюшон на голову.

– Ну, вот, – весело сказал он. – Так лучше. Тебе очень идет, ты такая смешная.

– А ты? Лан, ты что! Нет, я так не могу!

Я попыталась было снять, но он не позволил. Остался в одной рубашке под холодным дождем.

– Не волнуйся, я знаю другие способы согреться. Я ведь чему-то учился два года.

– Ты не можешь использовать магию за пределами училища, – строго сказала Джара. – Иди лучше под зонт.

Лан отмахнулся.

– Ничего, немного воды мне не повредит. Настоящий заклинатель не должен бояться такой мелочи.

Я видела, как Джару это задело. То ли от того, что он действительно умел куда больше, то ли от того, что готов был промокнуть ради меня.

– Да? Не повредит? А слабо искупаться, Лан?

На секунду он задумался. Всего на секунду.

– Да легко!

Стащил рубашку и сапоги, штаны, разделся догола, совершено не стесняясь нас. Сложил одежду кучкой, отдал Джаре.

– Вот, подержи, смотри, чтобы не намокло.

Джара тоже ничуть не смущалась, взяла одежду, глядя прямо на него, словно разглядывать голых парней было для нее обычным делом. А я чуть отвернулась…

– Лан, не надо! – тихо пискнула.

– Да брось, Соле. Хочешь, пойдем купаться вместе. Не замерзнешь, обещаю.

Я отчаянно замотала головой.

Лан пожал плечами и прыгнул в воду. Так просто, с места, не разбирая даже, какая там может быть глубина.

– Вот придурок, – холодно сказала Джара.

Лан исчез под водой и долго не появлялся. Так долго, что я не на шутку заволновалась. Я стояла на краю, напряженно вглядываясь в волны. И ничего… Чуть не расплакалась.

– Лан! – отчаянно крикнула я.

– Соле!

Он вынырнул так далеко, что я едва могла различить его среди мелькающей белой пены. Помахал мне рукой. И нырнул снова.

Я видела, как он доплыл до покосившегося флюгера, торчащего из воды, как, схватившись за него, встал на крышу. Саму крышу я не видела под водой, но он стоял, ему было, наверно, по колено. Потом он прыгнул с крыши и поплыл назад.

Когда он вылез, я поняла, что почти не дышала все это время, так, что темнело в глазах.

Лан тряхнул головой, словно пес, стер ладонью воду с лица. У него были тонкие белые шрамы на груди, словно кожу резали острым ножом. У него и на спине были шрамы, но другие, словно вцепилась огромная кошка, располосовала когтями.

У него были совсем синие от холода губы.

– Ты ненормальный, – фыркнула Джара. – Быстро одевайся, и домой, греться.

Я видела, как, подойдя за одеждой, Лан наклонился к Джаре и быстро поцеловал ее.

Глава 3

Салотто в огне. Мой родной город. Огонь падает с небес словно горящая гора, словно возмездие богов. Удар. И гигантская воронка на месте Девичьей гавани. Огонь поднимается столбом, падает снова и растекается стремительными волнами. Волны огня заливают все – от здания сената на Вейской площади и золотого дворца Элау, до последней хибары на окраине. Над развалинами поднимается пепел. Облако пепла. Мне кажется, я слышу крики.

Но живых больше нет.

И вслед за огнем приходит море.

Сон. Или что-то большее?

Так будет? Я хочу знать правду.

Этот сон снился мне несколько раз. Началось еще весной. И здесь тоже. Все повторялось раз за разом, пугая…

Я не знала, что думать.

Иногда мне казалось – я здесь именно из-за этого. Они что-то знают обо мне. Что-то должно случиться. Иногда казалось – отец отправил меня в Бер-Сухт желая защитить, чтобы это огонь не настиг меня, он волновался… но никак не мог это разумно объяснить, он всегда был слишком прагматичным для этого. Сны есть сны.

Сны пугали.

Но реальность иногда пугала больше.

Перед началом занятий с нами говорил штатный псионик. Я слышала о нем, но все равно не была готова увидеть это.

Кожаный Человек.

У него были ослепительно зеленые глаза. Большие, круглые, лишенные век, утопающие в провалах под грубой бурой кожей. Кожа прошита мелкими ровными стежками, туго натянута, обхватывая надбровные дуги. Большая часть лица закрыта повязками – чтобы не пугать. У него не было век, не было ушей, губ, почти не было носа. У него не было кожи. Ее содрали. И все же, Олиш Ил-Танка оставался жив, благодаря магии. Собственную кожу заменили точно скроенные шкуры.

В учебном корпусе Бер-Сухта, в кабинете ректора. Он смотрел на меня…

– Вы когда-нибудь сознательно использовали магию?

– Нет, – тихо сказала я.

Было страшно, до тошноты. Я знала – он видит меня насквозь, всю, словно я голая, словно в моей душе не осталось ни одного укромного уголка. И мне нечем закрыться. Каждое событие моей жизни он доставал из глубин памяти, спокойно разворачивал, разглядывал со всех сторон. Он был деликатен. Профессионально деликатен, не позволяя ничего лишнего.

– А несознательно? Соле, скажите, были ли непроизвольные выбросы?

– Нет, – я мотнула головой.

– Почему вы пришли к нам? – спросил он.

Голос у него был на удивление обычный.

– Отец отправил меня сюда.

– Хорошо. А его мотивы вы знаете?

– Нет.

У меня не слишком близкие отношения с отцом. Он всегда был сдержан и строг, а после смерти матери, с каждым годом, становилось только хуже. Последнее время мне казалось, что я живу в одном доме с посторонним человеком.

– Вы знаете, что у вашей матери тоже были способности, но она отказалась от обучения?

– Да, знаю.

– Вы знаете, от чего она умерла?

– Да. Хисирская оспа.

Кожаный Человек вздохнул.

– В наше время не многие выбирают Бер-Сухт. Ваш отец мог бы оплатить обучение в Литьяте, вас ждало бы прекрасное будущее. Почему он не сделал этого, вы знаете?

– Нет.

Я не понимала, чего он хочет. Он же все знает и без меня. Лучше меня. Зачем тогда мучить? Было так плохо, что сводило живот, трясло и немели пальцы.

Зеленые глаза глядели не мигая.

– Соле, вы уже совершеннолетняя и можете сами принять решение. Вы можете отказаться от обучения. Для самостоятельного получения гранта и стипендии в Литьяте вам, к сожалению, не хватает способностей, но вы можете просто отказаться.

Я поджала губы.

Нет, не могу. Если я откажусь – отец не пустит меня домой. Мне некуда идти.

* * *

Мастер Ил-Танка говорил со всеми нами, каждым по отдельности. После такого разговора Ина пришла бледная и притихшая, сразу пошла на кухню, налила стакан самогона.

– Ну и чудище, – сказала она. – У меня до сих пор в голове звенит…

– А что он спрашивал?

Ина хмуро посмотрела на меня, с каким-то недоверием… но подозрений ее я явно не оправдала.

– Он спрашивал, умею ли я колдовать. Какие заклинания выучила.

– И что ты сказала?

– А что я могла сказать? – огрызнулась она почти истерично, нервы на пределе. – Он же и так все знает. Он псионик. Он видит насквозь. Он может заставить говорить все, что угодно… Все! – Ина зябко поежилась, налила себе еще

пол стаканчика. – Хочешь? – предложила она.

Я подумала, и кивнула.

Ина шмыгнула носом.

– Я ему все и рассказала, – ее голос дрожал. – Надеюсь, он не сдаст меня в Литьяте.

– Не сдаст, – сказала Джара. – У него с Литьяте свои счеты.

– Свои счеты?

– Они же содрали с него кожу, это обычная казнь за предательство. Он жив благодаря мастеру Патеру, и не может покидать Бер-Сухт. Но договора с Литьяте у Олиша больше нет, присяга аннулирована.

Меня поразило, что Джара назвала его просто по имени.

– Откуда ты знаешь?

Джара пожала плечами.

– Он сам рассказал. Я только не знаю, что он натворил, про это он говорить не хочет. Но, думаю, не слишком серьезное, раз его отпустили. Хотя… – Джара задумалась, – три года назад, когда это случилось, Патеру имел больше влияния…

– Он сам рассказал тебе? – Ина смотрела на нее во все глаза, с ужасом. – Ты с ним говорила?

– Вы тоже говорили с ним.

– Да я чуть не померла! – Ина вздрогнула, громко икнула.

Джара сморщилась.

– И что? Он псионик, это его работа. Лан, между прочим, тоже псионик, только он не закончил обучение, а Олиш за-

кончил. От Лана вы же не шарахаетесь? Он, конечно, не выставляет напоказ свои способности, но ему это и не нужно… ну, и, конечно, Лан – красавчик… Между прочим, Олиш не так уж сильно старше нас, ему всего двадцать семь лет.

Мы с Иной переглянулись, долго молчали.

– Ого, – сказала Ина, наконец. – Ну, ты даешь…

* * *

Вода. Кап… кап-кап… Капли собирались под потолком, набухали, округлялись, потом вытягивались во всю длину и, наконец, срывались, летели вниз, разбиваясь вдребезги о прозрачный лиосский мрамор. Кап. Кап-кап. Кап. Одна за другой. Лужи и плесень. И погнившие балки. Оставалось только молиться, чтобы крыша не рухнула нам на головы.

Наш первый день занятий.

Было холодно. Просто ужасно, сырость и сквозняки. Меня почти непрерывно знобило, постоянно текли сопли, и от всего этого трещала голова. Я здесь чуть меньше месяца, но уже была уверена, что до зимы не доживу. Помру от этих соплей. Сейчас только сентябрь. У нас в Салотто даже зимой бывает лучше. Суше, по крайней мере.

Джара едва ли не с головой куталась в колючую шаль из козьей шерсти, пыталась записывать, но пальцы дрожали, буквы прыгали по листу. Лан сидел в теплой брезентовой куртке на меху, он не писал, просто слушал, откинувшись

на спинку скамьи, хмурясь, сложив на груди руки. Ина тоже слушала, подперев кулачком щеку, ей, вроде бы, и не холодно было, но она из местных, привыкла.

Нас всего десять человек в аудитории, рассчитанной на две тысячи. Большая белая лекционная, ее строили, чтобы вместить три потока разом и всех желающих заодно, и, говорят, случалось, что сидели в проходах, не хватало места. Сейчас… Время ушло.

Нас десять на первом курсе. Семь человек на втором и аж двенадцать – на третьем. Пока еще относительно тепло, мы будем заниматься здесь, где светлее и меньше плесени, а вот зимой перейдем в лаборантскую, ее проще протопить.

– Вы должны запомнить одну вещь, – мастер Патеру строго обводил нас взглядом, одного за другим. – Только одну. Магия – это усилие воли. Запомните. Не волшебные слова, не амулеты, не танцы с бубном у костра. Усилие воли. Если этого усилия недостает – вся ваша магия превратится в пшик, если усилия достаточно – ничего больше не нужно.

Он стоял, держась за кафедру, слово вот-вот упадет. Маленький, сгорбленный, сморщенный, словно сушеная слива, на лице темные пигментные пятна. Грязно-серая рубашка висела на плечах, словно на вешалке, меховая жилетка засалена и затерта, местами расползалась от времени. Но голос у мастера глубокий и чистый. И такие же глубокие голубые глаза. Ему больше ста лет, он видел лучшие времена.

То, что он говорил – противоречит конвенции. Это дикая

иррациональная магия старого Тарра, незаконная и небезопасная. Тарр был закрыт и разрушен почти пятьдесят лет назад, но мастер Патеру не только учился, но и преподавал в нем. Сложно представить. Словно в другой жизни. У нас он читал историю магии, и, только поэтому, ему позволено говорить подобную ересь. Это теория. История. Лан говорил, в Литьяте за подобные слова с него бы содрали шкуру, в самом прямом смысле. Как с Ил-Танки. Но здесь можно. Тихо, осторожно, с оговорками, но можно. Бер-Сухт последнее место, где еще помнят…

– Магическая энергия – это кровь нашего мира, – говорил мастер Патеру. – Мы можем почувствовать ее в каждом уголке, можем уловить, как биение сердца, можем прикоснуться, можем повернуть в нужное русло. Энергия повсюду вокруг нас. Магия – это жизнь.

Хаген передо мной, на нижнем ряду. Казалось, он не слушал, или, уж по крайней мере, не смотрел на мастера. Он сидел, опираясь локтями о стол, навалившись, опустив голову. Интересно, о чем он думал сейчас? У него-то, уж точно, выбора не было. Я слышала, его уровень магии настолько велик и время так сильно упущено, но в Литьяте его брать не хотели. Слишком сложно справиться. Невозможно вообще с таким работать. И лишь мастер Патеру взял его, под личную ответственность.

Джара толкнула меня в бок, передала под столом записку: «У нас картошка закончилась. Пойдем в город».

Пойдем. Прогуляемся заодно. Я как-то уже привыкла и к лестнице, и необходимости делать все самой. Ко всему привыкаешь. Но не смирилась.

– Существует два подхода к овладению магией, – говорил мастер. – Сейчас уже начинают утверждать, что подход только один, что метод Тарра никогда не существовал, что это профанация. Но, поскольку этот метод запрещен, вы должны понимать, что технически им можно воспользоваться. Никто не станет с таким упорством запрещать невозможное. Вам будут говорить, что раз маги Тарра были такие великие, то почему они допустили разрушение академии и всей системы, почему допустили присоединения Этора? Это все так. Мы проиграли. Но вы должны знать…

Хаген начал кашлять. Сначала тихо, потом все громче, словно задыхаясь, сотрясаясь всем телом. Ему тоже было нелегко в холодном климате. Мастер Патеру замолчал, ожидая, пока пройдет приступ и наступит тишина. Хаген, наконец, откашлялся, вытер ладонью лицо.

– Простите, мастер, – сказал тихо.

Мастер Патеру вздохнул.

– Вы будете изучать один из стандартных базовых наборов заклинаний. Как вы знаете, на каждый набор выдается лицензия, и вне этой лицензии вы не имеете права использовать ничего. Вы и не сумеете ничего, за пределами изученных заклинаний, потому, что не будете знать как. Заклинание – это алгоритм. В Литьяте утверждают, что когда вы точ-

но знаете, что должны сделать, и что должно получиться в итоге, то вам проще справиться с поставленной задачей. Я не спорю, это действительно так. Когда вы действуете строго в рамках правил – это безопасно. Читая заклинание чтобы зажечь свечу, вы не сможете спалить дом, алгоритмом не предусмотрена такая мощность. Но, вместе с тем, вы лишены свободы маневра. Если вас научили зажигать свечку, но не научили зажигать дрова в камине, вы не сможете их зажечь. Почти любое заклинание узконаправленно. Метод Тарра – напротив, предполагает обращение напрямую, без специальных слов или действий. Вы хотите зажечь огонь, и вы зажигаете. В любом его проявлении. Его сила зависит только от вас. Ваша воля и больше ничего. Когда я вел практические занятия в Тарре, некоторые студенты не понимали, они спрашивали – что я должен сделать, объясните, покажите как. Но этому нельзя научить в привычной форме, это должно прийти само, изнутри, учитель может только направить. Дикая магия непредсказуема и неконтролируема извне, поэтому она так активно запрещается Литьяте. Истинная магия, как говорили раньше.

– Я бы хотела научиться не мерзнуть, – буркнула Джара. Совсем тихо, но мастер Патеру расслышал, покачал головой.

– Такое заклинание входит в вашу будущую лицензию, мисс Хе-Каи, – сказал он, – вы научитесь. А пока, советую одеваться теплее.

* * *

– Закрой глаза и слушай музыку. Просто доверься мне.

Лан учил меня танцевать джигу.

Он беззаботно улыбался, держал меня за руки.

– Давай, Соле, сначала вместе, а потом сама. Закрой глаза.

Я не могла. Мы стояли рядом, боком друг к другу, одной рукой он уверенно обнимал меня за талию, другой держал за руку. Я не могла закрыть глаза, не могла расслабиться, все время пыталась подглядывать. Мне казалось, я выгляжу ужасно глупо. А Лана это забавляло.

На площади перед учебным корпусом горели костры, играла музыка. Отмечали первый день начала занятий, посвящение нас в студенты Бер-Сухта. Собрались все, даже преподаватели… всего человек сорок, не больше. Без особых торжеств. Для такого праздника, как в старые времена, не было ни денег, ни сил.

– Мы приемники Тарра! – горячо и пафосно говорил Арек, парень с третьего курса. – Мы последние, кто еще помнит древнюю магию, кто может видеть суть вещей за блестящей оберткой. Последние, кто еще может что-то изменить. В наши дни, когда магия стала формальным сводом правил, наш долг – хранить в сердцах живой огонь, поддерживать его, не дать угаснуть…

Он говорил и говорил – пространно и, по сути, ни о чем. Я слушала. Мне не нужно было никакого огня. Я хотела

лишь нормальной человеческой жизни, удобной и комфортной, хотела домой, хотела, чтобы все было хорошо.

– Нам всем сейчас очень сложно, но у нас нет другого выбора, – говорил мастер Патеру, честно и просто. – Нам придется идти до конца.

Они говорили все, каждый по своему, а потом мы танцевали в круге костров. И искры кружили…

Было радостно и немного тревожно. Странное ощущение неизбежности накрывало меня. Теперь я тоже часть Бер-Сухта, мне никуда не деться. Решение приято. Моя жизнь поменялась навсегда и по-старому уже не будет. Я не вернусь домой.

Наверно, именно тогда я приняла это… хоть отчасти.

Но стоило закрыть глаза, и я видела Салотто в огне, пылающую гору, падающую с небес. Картинка была такой четкой и ясной, что становилось страшно. Наверно, нужно было кому-то сказать, но я никак не могла признаться даже себе, что это может быть чем-то большим, чем моя фантазия.

Можно было сказать Лану.

– Закрой глаза, расслабься, – говорил он.

Я не могла.

Джара не танцевала, она сидела у костра, гордо, с прямой спиной, на ее лице играла странная улыбка. На ее шее блестел золотой цветок с жемчужиной. Она смотрела на меня.

– Шаг правой вперед, шаг левой, теперь снова правой, в прыжке, – говорил Лан.

У меня кружилась голова. Я старалась, но вечно сбивалась с ритма, путалась в ногах.

Ина танцевала с Регаром, легко и весело, я даже завидовала им.

– Лан, я не могу. У меня ничего не получается.

Он остановился, долго, сосредоточенно смотрел на меня.

– Соле, хочешь, я научу тебя по-другому? Я не доучился магии, но я кое-что умею. Ты просто расслабься, закрой глаза, не думай ни о чем и слушай свое тело, не сопротивляйся. Ты начнешь танцевать. А потом и сама сможешь. Давай?

– Магия? – осторожно спросила я.

– Да, – Лан кивнул. – Не бойся.

Он улыбался, словно это была просто шалость, словно ничего не значило.

– Не надо, – сказала я.

– Почему, Соле? Я всего лишь научу тебя танцевать.

Нет. Я не могла представить, что кто-то будет снова копаться в моей голове, что кто-то сможет взять под контроль мое тело, пусть только направить… Ужас. Так нельзя. Мастера Ил-Танка мне хватило с лихвой, я больше не хочу…

– Соле… – Лан держал меня за руку. – Ну, что ты, как маленькая.

Я поджала губы. Маленькой девочкой мне быть не хотелось. Хотелось быть взрослой, особенно для Лана. Достойной. Очень не хотелось его расстраивать. Я была готова на все, но…

– Я не могу, – сказала тихо. – Потанцуй с Джарой, смотри, она скучает.

Лан удивился, совершенно искренне, словно не мог представить, как кто-то мог ему отказать.

– Да ладно, Соле… Чего ты так боишься?

Я поняла, что сейчас расплачусь.

– Я… я не боюсь…

Слезы щипали глаза.

– Соле… – он взял меня за плечи. – Ну что ты? Ну, не хочешь, не надо.

Я шмыгнула носом, отвернулась.

– Я посижу, – вышло больше похоже на всхлип.

Отвернулась. Сначала хотела сесть на скамейку у костра, потом поняла, что не могу сейчас. Было так обидно, что страшно хотелось побыть немного одной. Я пошла прочь, буркнув мимоходом, что мне нужно в туалет, я скоро вернусь.

И только отойдя подальше, так, что никто не мог увидеть, разрыдалась по-настоящему. Ничего не могла с собой поделать. Старалась только не очень громко, чтобы не сбежались люди, боялась объяснять.

И все же пришлось.

– Соле…

Он тронул меня за плечо. Я вздрогнула, чуть не подскочила, думала это Лан подошел. Нет. Хаген.

– Ты чего? – в его голосе ясно слышалось волнение, и

от волнения акцент становился еще заметнее. Хаген-Лягушка…

– Ничего, – сказала я.

– Ты же плачешь…

– Да.

Я принялась вытирать слезы, размазывая по лицу.

– А ты… ну… что-то случилось?

– Все нормально.

Я шмыгнула носом. Вдруг поняла, что его не было с нами, Хаген не танцевал и даже не пил, не сидел у костров. Я видела его в самом начале, когда толкали длинные речи, а потом он незаметно пропал.

– Хаген, а почему ты не танцуешь?

– Не умею, – он пожал плечами.

– Но ты ушел, не сидишь с остальными… – я ляпнула, и стало немного стыдно за свою бестактность. Какое мне дело?

В его лице что-то дрогнуло, едва уловимо.

– Там слишком много огня… Соле… я не могу…

– Огня?

– Да.

Я не могла понять.

– Ты что, огня боишься?

– Боюсь, – просто согласился он.

– Но почему?

Наверно, глупый вопрос, но…

– Соле… – он нахмурился, вздохнул, подбирая слова. –

Это все…

Я ждала. Наверно, я такая несчастная, зареванная, что не признаться мне было просто невозможно.

– Соле, ты ведь слышала про вспышки магии, да? – осторожно сказал Хаген. – У меня было такое с самого детства. Огонь. Огонь вырывался из меня, и… В детстве еще не сильно… хотя однажды я чуть не спалил дом. Мать считала, что это проклятье, что я одержим демонами. Молилась, таскала меня к шаманам. Ничего не помогало. Я очень старался не огорчать ее, старался сам справиться. Старался держать это в себе.

Он замолчал, зажмурился.

Для меня это было дико. К шаманам? Неужели Ригдел такая далекая и темная провинция, что они не понимают? И главное – неужели патруль Литьяте не дотягивается туда? У нас ведь и чихнуть с помощью магии невозможно было, чтобы тебя к тебе не нагрянула инспекция. Спички не зажечь, не то что дома!

– Я сжег всех, Соле… – сказал Хаген, голос дрогнул. – Всех. Я не хотел… Мы охотились на болотах, и на нас напал болотный змей, он схватил отца… Это вышло само. Я хотел спасти, помочь, хотел сделать хоть что-нибудь, но вместо этого убил всех. Черные головешки… знаешь… даже не поймешь, чем они были… Я думал, сойду с ума. И от этого… ну, в общем, еще там… гром и молнии… – Хаген облизал губы. – Меня подобрал патруль. Они сказали, что это магия,

что такое бывает, но только уже поздно. Поздно учиться. Если все зашло так далеко, если оно прорывается с такой силой, то я уже никогда не смогу взять магию под контроль. Слишком опасно. Даже отправлять учиться слишком опасно… Не хотели связываться.

Да, я слышала это, но сейчас казалось, что так невозможно. Они должны были что-то сделать… Но ведь с такими вещами не шутят. Хаген не врет, никогда бы не стал… Он не из тех, кто может так врать. Потерять родных… нет, это не шутки.

Патруль…

– Что они хотели с тобой сделать? – тихо спросила я.

Хаген передернул плечами.

– Мне тогда было все равно, я не спрашивал, – сказал он. – Но за меня поручился мастер Патеру, сказал, что сам проследит. Только из уважения к нему… Они пошли на компромисс, я принес присягу сразу. Мне дали полгода.

– Полгода? А потом?

Он покачал головой.

Убьют его, вот что. Чудовищно…

Но ведь главное… я понимаю, ему важно совсем не это. Не он сам.

– Хаген… – я не знала, что сказать.

По сравнению с таким, все мои неприятности и страхи действительно казались детскими и глупыми.

Он молчал. Он сказал все, что мог, и слов больше не оста-

лось.

– Ты не виноват, Хаген, – тихо сказала я.

– Какая разница.

– Нет, Хаген! Разница есть! Не нужно винить себя. Ты не виноват! Если бы ты родился в Илитрии, в Эторе или даже в Хисире, тебя бы учили с детства. Ты бы мог…

– Нет, Соле, – он нахмурился, не дал мне договорить. – Что толку. Это ничего не изменит.

Огонь. Кругом огонь…

Я тоже всегда винила себя в смерти матери. Знала, что это не моя вина, и все равно…

– Огонь… Салотто в огне… – тихо-тихо сказала я, само вырвалось.

Хаген вздрогнул, посмотрел на меня так странно.

– Ты знаешь, Соле, – сказал он. – С тех пор я часто вижу один сон. Приморский южный город, большой, очень большой, высокие дома… Река делит его пополам… На левом берегу старый город, крепостные стены, какой-то дворец, крыша блестит на солнце и слепит глаза… вокруг большой парк с тремя прудами. Через реку мост с морскими драконами, выкрашенными в синий цвет. На правом берегу – высокие новые дома. Около берега они стоят очень плотно, но чем выше, дальше к холмам, тем свободнее. Домики рассыпаны везде, куда не глянь, кажется, до самого горизонта. В гавани огромные корабли…

Он рассказывал, я слушала, и мне становилось страшно.

Я знала, что будет. Это Салотто. Он видел мой город во сне.

– А потом с неба упал огонь и сжег все, – сказал Хаген. – Я видел, как людей пожирает пламя, как они кричат, пытаются спастись…

Мне кажется, я перестала дышать. Я смотрела на него и, в который раз, не могла поверить. Ведь это не шутка! Нет?

– Ты ведь не смеешься надо мной?

– Нет, – сказал он.

Если бы Лан рассказал мне это, я бы не поверила. Вот, не поверила бы и все. Но тут…

– Знаешь, Соле, – сказал он еще, – в Литьяте мне сказали, что я могу навлечь на мир большую беду. Но, возможно, могу и спасти. Они не знают, с какой стороны я оказался бы в этом…

У него стало такое каменное, непроницаемое лицо.

А у меня подкосились ноги, я взяла и села прямо на землю, закрыла лицо руками. Нет. Этого не может быть. Это не он. Нет-нет-нет…

* * *

Всю ночь, до утра, мы сидели с Ланом на старом полузатопленном пирсе, забравшись на ящики. Волны то с шипением захлестывали доски, то откатывались назад.

Мы пили вино, Лан откуда-то принес хорошее хисирское, из Най-Кану, страшно дорогое…

Я не удержалась, рассказала ему о Хагене и о своем сне. О Салотто. Лан не удивился.

– Такие сны снится многим, – сказал он. – Повторяющиеся, страшно реальные сны. Многим, кто имеет отношение к магии.

– И тебе?

– Да, – Лан кивнул. – Мне тоже. Я видел его.

– Салотто в огне? Так будет?

Лан нахмурился. Под темным ночным небом его голубые глаза казались совсем черными.

– Это не пророчество, – сказал он. – Только предупреждение. Можно избежать, можно изменить судьбу.

Было что-то такое в его голосе, глубоко личное… или может просто показалось мне?

– Лан, скажи, а кто видит этот сон? Почему нам всем он снится.

Лан вздохнул.

– Не всем. Только тем, кто имеет к этому хоть какое-то косвенное отношение. Тебе, возможно, потому, что Салотто твой родной город.

– А тебе?

Он пожал плечами. Отвернулся, долго смотрел на волны.

– Никто пока не знает, что с этими предупреждениями делать. Никто не знает когда и из-за чего это может произойти. Каждый видит сны по-своему, со своими подробностями, со своих точек зрения. Вот, Соле, скажи, откуда смотришь ты?

Я задумалась… сложно сказать.

– Не знаю… Мне кажется с горы, с Каталау, со смотровой площадки.

– Даже так? – Лан немного удивился. – Ты понимаешь, откуда смотришь, и всегда с одной точки?

– Да. Что это значит?

– Не знаю. Я вижу с разных точек. То, словно я нахожусь там, бегу от этого огня, то словно откуда-то сверху, с воздуха. Всегда по-разному.

– Хаген тоже видит сверху. Он сказал – словно летишь…

– Я знаю.

– Он рассказывал тебе?

– Рассказывал.

– Знаешь, Лан, мне страшно… – я поежилась, подтянула к себе ноги. – Я думала, это просто кошмары, но теперь… Я боюсь. Я не хочу, чтобы так было.

Он обнял меня за плечи.

– Ничего, все будет хорошо. В Литьяте уже думают, как это предотвратить.

Я вздрогнула. Литьяте…

– Давай, выпей еще, – предложил Лан. – Это поможет успокоиться.

– Это не поможет. Я напьюсь, но завтра все окажется на своих местах, никуда не денется.

Лан усмехнулся, дружески потрепал мои волосы.

– Ты бываешь такой серьезной, Соле, что мне страшно.

– Мне тоже.

Несколько минут мы молча сидели рядом. Шумели волны.

– Слушай, Лан, – тихо сказала я, – ты все знаешь… А Джаре тоже снится такой сон?

Я видела, как он напрягся, мои вопросы ему не нравились.

– Я не знаю, – сказал он. Наверно, вышло чуть более резко, чем этого можно было ожидать.

– Но, послушай, если, как ты говоришь, эти сны снятся тем, кто как-то с этим связан, если это снится мне, тебе, Хагену… Даже если Салотто просто мой дом, то вам-то почему? Как связаны вы?

Он хотел встать, уже дернулся, но остался.

– Это и мой дом тоже, – холодно сказал он. – Я родился на Кито, но это совсем рядом. Я кучу времени провел в Салотто.

Я покачала головой, мне казалось, дело не в этом.

– Соле! – Лан облизал губы, хмуро глядя мне в глаза. – Соле, не спрашивай меня. Я не знаю. Я ничего не могу тебе сказать. Ничего. Ты понимаешь?

Глава 4

– Когда вы почувствуете, что немеют ноги, а ладони наливаются огнем, – говорила мисс Кеали, – когда вы почувствуете, как вибрирует в потоке магии все тело, то вдохните поглубже и задержите дыхание. Это значит – вы готовы.

Если вовремя не остановиться, у неопытного мага могут начаться судороги.

Мы должны почувствовать и запомнить это ощущение, запомнить свой предел.

Мисс Кеали вела у нас практику. Звания мастера у нее не было, она окончила только Бер-Сухт, а это дает лишь профессию заклинателя, но не мага.

Только вместо заклинаний и волшебства у нас была куча непонятных упражнений и медитаций. Нам говорили – это должно помочь настроиться и развить потенциал. День за днем. Сосредоточиться, почувствовать собственную силу, дотронуться до этой силы. Открыть дверцу внутри себя и позволить потоку силы растекаться по телу, ощутить, до мурашек, до покалывания пальцев.

К моему удивлению, Лан не отлынивал, хотя он-то уж точно прошел через все эти тренировки. Зачем ему подготовка, если он и так умел колдовать. Но Лан занимался вместе с нами. Он говорили – в Литьяте учили по-другому, интересно

освоить новый подход.

Хаген же практикой занимался по индивидуальной программе, под особым контролем, с мастером Патеру и под контролем мастера Ил-Танки. Но общими и теоретическими предметами – вместе с нами. Теория тоже давалась Хагену нелегко, он едва-едва умел читать, в древне, где он жил, это было не нужно. Но Хаген был страшно упрямым, сидел с книгами целыми днями, разбирая по слогам. Над ним временами подшучивали, но он мало обращал внимание.

Шел октябрь, дни становились все холоднее, с деревьев почти облетела листва, мы успели выслушать кучу лекций, но пока не выучили ни одного заклинания. Все готовились.

– Вы должны понимать, откуда взялся такой строго лимитированный подход к магии, как в Литьяте, – говорил мастер Патеру. – Он возник не просто так и не на пустом месте. И уж точно не с целью усложнить кому-то жизнь. Дело в том, что никакое магическое действие не проходит бесследно. Вы должны запомнить и подходить к делу с большой ответственностью. Каждый раз, используя магию, мы что-то изменяем в сущности вещей, мы меняем что-то в нашем мире, меняем баланс. Расходуем энергию земли. Нельзя колдовать что захочется и когда захочется. Первое, чему учили в Тарре – это ответственность. Вы должны очень четко осознавать, что делаете и зачем. Изначально, в Тарре училось не больше десяти человек на курсе, только люди с необычайно высоким потенциалом, избранные. Они учились по восемь лет. А Литьяте

делал ставку на массовость и скорость. Массово научить ответственности нельзя, можно лишь установить четкие правила, ограничить возможности. В Литьяте поступают сотни человек в год, и нужно контролировать их всех. Это даже не вопрос власти, это вопрос выживания. Без надлежащего контроля магия может разрушить мир.

– То есть, вы все же одобряете действия Литьяте? – громко спросил Лан.

Мастер Патеру нахмурился, очень долго молча смотрел на него.

– Дело не в одобрении, молодой человек, – холодно сказал он. – Я прекрасно понимаю, почему в Литьяте выбрали этот путь. Но это путь в никуда. В Гильдии мое мнение прекрасно известно.

Мне показалось, сейчас он скажет: «можете так и передать». Лан учился в Литьяте, а значит, здесь ему до конца не доверяли. Он чужой, почти враг.

* * *

– Лан! Ты совсем обнаглел!

Джара пихала спящего Лана в бок, он только неразборчиво ворчал в полусне и пытался закрыться одеялом.

Я села на кровати.

– Джар, ты чего?

До начала занятий еще долго, можно поваляться пол ча-

сика.

Джара схватила обеими руками одеяло и принялась стаскивать с Лана, он не отдавал.

– Тебе не кажется, Соле, что уже больше недели печку по утрам топит Хаген. А должны – по очереди.

Я задумалась… да, пожалуй, так и было.

Хаген молча подбросил еще пару поленьев в огонь.

Лан подрабатывал в порту грузчиком и разнорабочим, часто приходил очень поздно, сразу заваливался спать. Денег от родителей он не получал, как не получал и стипендии. И в то же время деньги тратил с необыкновенной легкостью.

Джара взяла стакан с водой и выплеснула Лану на голову. Он заворчал сквозь сон, отряхнулся, с трудом сел на кровати.

– Хватит дрыхнуть, – строго сказала Джара. – Твоя очередь печку топить.

Ина тоже проснулась, подошла.

– Да он пьяный совсем! От него перегаром несет. И когда успел? Вчера, вроде, пришел нормальный…

– Он ночью вставал, я слышала, – сказала Джара.

Лан сидел на кровати, слегка покачиваясь, хмуро глядя на нас всех.

– Ты совсем дурак? – поинтересовалась Джара. – Тебе сейчас на занятия.

– Да, – сказал он. – Все нормально.

– Да какого хрена, Лан!

– Джар… какая разница, – он отмахнулся.

– Тебя выпрут отсюда за такие дела!

– Не выпрут.

Лан принялся тереть ладонью лицо. Видно было, что продолжать разговор ему не хочется. Но Джара отчего-то завелась.

– Ты что, думаешь ты такой особенный? Думаешь тебе все можно?

– Можно, – жестко сказал он. – Мне – можно.

Поднялся на ноги и, шатаясь, пошел к двери.

– Ему сон приснился, – сказал Хаген.

Лан остановился на секунду, замер, но так и не обернулся. Потом что-то зло буркнул под нос и вышел, хлопнув дверью.

– Ага, сон ему приснился страшный, – фыркнула Ина. – Он что, маленький что ли? Соле, у вас в Илитрии все такие неженки?

Я покачала головой. Ина не понимала, ей такие сны не снились. Но ведь Лану приснился не горящий Салотто, он видел такое много раз. Это что-то другое, личное. Личное предупреждение. Что-то страшное.

– Откуда ты знаешь, Хаген, – спросила Джара.

А вот Джара понимала, в ее голосе слышна тревога.

– Он стонал во сне, говорил что-то… Потом проснулся, долго сидел на кровати…

– Говорил? Что говорил?

– Я не понял, – сказал Хаген.

Мне вдруг стало страшно жалко Лана, я видела, как ему не

легко… я знала, что такое видеть страшные сны, я сама просыпалась в холодном поту и с трясущимися руками… Так захотелось поддержать. Поговорить. Я выскочила в коридор следом за ним, и только потом поняла, что босиком и в тоненькой кофте, в которой сплю. А в коридоре такой холод, почти как на улице, но возвращаться и одеваться уже поздно.

Лана я догнала уже почти у выхода.

– Лан! – крикнула я. – Подожди. Лан!

Он резко обернулся.

– Иди ты нахрен, Соле! Не лезь.

Я растерялась.

* * *

Море было тихим, прозрачным. Рыбы плыли у нас под ногами.

Помню, когда, приехав в Бер-Сухт, увидела рыб в море – была так поражена. В гавани Салотто рыбы не было. Совсем. Там море было другим – нежным и ласковым, так бережно охраняемым от штормов и хищников. Солнечные блики скользили по волнам…

Но там, я вдруг поняла это со всей отчетливостью, – море было мертвым. Вся рыба в Салотто – привозная, так было всегда и все привыкли. В море ничего не было. Белый ровный песочек, голубая вода… Не было даже водорослей, днища кораблей в порту не обрастали ракушками, а те, что

обросли в дальних морях – очищались в Салотто за пару недель. Море было стерильно, словно теплая домашняя ванна. Прекрасно, безопасно и абсолютно стерильно.

В Бер-Сухте не только рыбы, тут вечно голодные алые кораблики скользили по волнам, словно сухие листочки. Здесь встречались даже белые тени, лишающие памяти. Тени я сама не видела, но говорят…

Здесь, в Бер-Сухте, море было другим, не таким, как дома. Диким. Страшным. И все же живым. Я долго не могла привыкнуть. Сначала пугалась, не решалась даже близко к воде подходить, потом…

Ко всему привыкаешь.

Наверно, я готова смириться со многим, когда Лан рядом.

Мы сидели на каменном валу. Лан держал меня за руку.

– Не обижайся, Соле, прости меня, – говорил он.

Он внезапно, за один день, вдруг очень повзрослел, изменился, хоть и уверял, что все хорошо. Но что-то было. Сны? Лан упорно отказывался рассказывать о том, что приснилось.

– Я не обижаюсь.

Он нащупал пальцами мое кольцо, немного покрутил, кольцо сидело свободно.

– Ты когда-нибудь снимала его, Соле?

Я замялась.

– Н-нет… ну, как-то разок немного снимала… но я ничего не делала, я просто так…

Лан усмехнулся.

Потом взял кольцо, легко стащил с моего пальца. Я вскрикнула.

– Лан! Ты что!

– Не бойся, – сказал он. – Никто не придет.

– Зачем?!

У меня колотилось сердце. Я хорошо помнила, как это закончилось в прошлый раз, сколько меня мучили… я не хотела снова. Но хуже всего – я не понимала, чего он хочет.

– Соле, успокойся.

Лан держал мое кольцо на ладони.

– Зачем? Отдай! Лан, ну, пожалуйста… отдай, ну…

На какое-то мгновение мне показалось, что он сейчас бросит кольцо в воду. Он сошел с ума! И что мне делать тогда? Спрашивать ведь все равно придут с меня, не с него. Он всегда был ненормальный.

Я не могла даже шевельнуться.

– Соле, попробуй сейчас, – сказал он. – Давай, как учили. Закрой глаза, сосредоточься, почувствуй силу внутри себя. Это не сложно. Попробуй.

– Зачем?

Почему сейчас? За что? Мне хотелось схватить, вырвать у него кольцо, но я боялась…

– Соле, успокойся. Все хорошо.

– Нет! Так нельзя! Я не буду!

Он сжал кольцо в ладони, повернулся, глядя мне в глаза.

Внимательно. Пристально.

– Попробуй, – сказал тихо, но так настойчиво.

– Нет.

– Соле, почему?

Он еще спрашивает!

Я вдруг не выдержала, психанула.

– Да пошел ты!

Встала на ноги, повернулась к нему спиной и пошла.

Он догнал меня уже через пару шагов. Улыбаясь, широко и довольно.

– Держи, – сказал он, протянул кольцо.

Я осторожно взяла с его руки, хотела надеть на палец, но…

– Зачем ты это сделал, Лан?

Он заулыбался еще шире.

– Хотел посмотреть. Прости. Ты молодец, Соле.

Молодец? Я не понимала.

Лан смотрел на меня. У него были такие ясные голубые глаза, такие… такие серьезные, такой сосредоточенный взгляд. А губы улыбались. Лан взял меня за плечи, осторожно притянул к себе. Я никогда не видела так близко…

– Лан… – тихо сказала я.

Мне показалось, на его щеке на мгновенье проявилась светящаяся полоска, тоненькая, словно волосок, и тут же пропала. Слабое свечение…

– Соле…

Он поцеловал меня. И земля ушла из-под ног. Мне казалось, я проваливаюсь в бездонную пропасть, все лечу и лечу, такая легкость во всем теле. Я еще чувствовала, как Лан обнимает меня, чувствовала его ладонь на своем затылке, чувствовала, как он подхватил меня на руки… но реальность расползалась, терялась… Первый раз… Мне показалось, вокруг нас вспыхнул огонь.

Когда я очнулась, мы все так же сидели на каменном валу. То есть Лан сидел, а я почти лежала у него на коленях. В голове слегка шумело.

Я моргнула, попыталась приподняться.

– Тише, – сказал Лан буднично. – Ты потеряла сознание, чуть не упала. Полежи еще, сейчас все пройдет.

Потеряла сознание?

Мне стало страшно неловко. Как же это вышло? Я никогда не целовалась ни с кем, неужели… я и не думала, что такое бывает.

– Все хорошо, Соле, – сказал Лан. – Не переживай.

Кольцо было на месте.

* * *

Лан чистил картошку, деловито и обстоятельно, сегодня была его очередь. Он доставал картошины из мешка, тщательно отмывал от земли в небольшой кастрюльке, потом ловко снимал ножом шкурку – тонко и чисто.

Джара смотрела на это с интересом.

– Никогда не видела, чтобы мужчины так хорошо чистили, – сказала она.

– Он же из Литьяте, – усмехнулась Ина, переворачивая рыбу на сковородке, – снимать шкуру – там мастера!

На секунду Лан замер, я видела, как дрогнул нож в его руке. Но только на секунду.

– Хочешь, я и тебя научу, – предложил он. – В семейной жизни – особенно ценное умение.

Ина фыркнула, оглянулась на Регара, который тоже сидел с нами. Регар засмеялся.

– Меня научи, – сказал он. – А то у Ины такой острый язык, что, может, придется аккуратно подрезать. Шкуру вряд ли, но язык – может быть. Если дойдет до семейной жизни.

Ина хлопнула его прихваткой по голове.

– Договорились, – серьезно сказал Лан.

Я смотрела на Лана и думала, что если б не он, я бы не выдержала тут. Мне до сих пор страшно хотелось домой! Чем дальше, тем тяжелее казалось, я бы сбежала, если б могла. Я бы сбежала, если б была уверена, что отец примет меня назад. Пусть это будет стерилизация и пожизненный патронаж, лучше так, чем… У меня не осталось сил.

Магия – не для меня.

У меня ничего не получалось. Я пыталась, искала в себе эту силу и не находила. Никакие медитации не помогали. У

Ины получалось легко и органично. «Забудь обо всем, – говорила она. – Магия – это усилие воли. Это твое желание. Просто пожелай, сильно-сильно». Ее дядя так учил, не заклинаниям, а настоящей магии Этора, она выросла с этим знанием. Я пыталась пожелать чего-то, но ничего не выходило, может потому, что я илитрийка, у нас что-то по-другому устроено?

Джара брала усердием. Учила, повторяла день за днем. Все, как положено.

Она сидела за столом, тренируясь зажигать спички с помощью магии. Брала одну из коробка, держа ее перед собой, закрывала глаза, начинала тихо повторять слова заклинания. Иногда у нее получалось и спичка вспыхивала, иногда нет.

– Научи меня лучше зажигать спички, – сказала она.

– Это легко, даже ребенок справиться. Берешь коробок, берешь спичку, чиркаешь. И готово.

– Лан! – возмутилась она. – Я серьезно. Ты же умеешь? Покажи!

Он не ответил и не сделал ни одного движения, но коробок, лежащий на столе тут же взорвался ослепительной вспышкой. Джара подскочила на месте, потом быстро накрыла огонь крышкой от сковородки.

– Ты что?! Совсем с ума сошел?

– Ты же сама просила.

– Но не так же!

– Ты не уточняла.

– Вот ненормальный!

– Хочешь еще?

– А как у тебя получается так быстро? – спросил Регар. – Ты ведь не читал заклинание, на это нужно время.

– Хороший маг должен держать взведенными несколько простых заклинаний, на всякий случай. Они уже готовы, нужно только спустить курок. Не знаю, учат ли этому в Бер-Сухте, но в Литьяте учат.

– А нам покажешь?

Лан пожал плечами.

– Нужно посоветоваться с мастером Патеру, – сказал он. – Не знаю, позволяет ли это лицензия.

– Но ведь тебе позволяет?

– Мне – да.

Он дочистил картошину, бросил в воду.

– Как думаете, хватит? – спросил нас. – Или почистить еще парочку?

– Давай, чисть еще, – сказала Ина. – Соле, налить тебе еще чаю?

Я кивнула, шмыгнула носом. Снова простудилась. У меня страшно болело горло, из носа текло и все время хотелось спать. На кухне я сидела потому, что тут было теплее, хотя с большим удовольствием завалилась бы в кровать.

Ина заварила мне чай с малиной и медом. Малину, кстати, притащил Хаген, специально для меня, а вот мед был общий.

От горячего становилось немного легче, но лишь немного.

Зато разморило, все казалось словно в тумане или во сне.

Я и не заметила, когда Джара удобно устроилась у Лана на коленях. Она сидела, перебирала пальцами его светлые волосы, и Лан был совсем не против. Он даже что-то тихонько шептал ей на ухо, Джара смеялась.

Потом они вместе ушли.

– А куда они? – не поняла я.

– Ты что, не видишь? – Ина смотрела на меня с сочувствием и легкой усмешкой. – Они давно спят вместе.

– Что? – мне показалось, что это только послышалось.

– Соле, не будь дурой. То, что Лан крутится вокруг тебя – ни о чем не говорит. Он просто кодебель. Вот Джара это прекрасно видит и ей плевать, она просто развлекается.

– Что? – глупо повторила я.

Я понимала, что она права, я видела… да, я видела, но не могла признаться даже сама себе, не могла поверить…

Ину моя растерянность забавляла.

– Они трахаются, Соле. Пока ты строишь из себя целомудренную добродетель, Джара раздвигает ноги. А парням только это и надо. Ты что, не знала?

Регар по-хозяйски обнял ее за попу.

Глава 5

– Когда следующий поезд до Салотто?

– Завтра, в восемь утра.

– Хорошо, давайте.

Я убегала посреди ночи. За полночь. Даже вещей не собрала, не хватило сил. Единственное, что я смогла – тихонько вытащить из чемодана свои деньги. На билет хватало, но в обрез, больше уже ни на что. Через несколько дней отец должен был прислать еще, но ждать я уже не могла. Общий вагон, почти неделю… ничего, как-нибудь доберусь.

Я даже думать не хотела, что будет потом, и как меня встретят дома.

Хватит с меня.

Не могу.

На вокзале пусто… Я с опозданием поняла, что сидеть мне здесь больше суток. Сейчас почти час, а поезд в восемь, но не сегодня, а завтра. Из Бер-Сухта до Салотто поезда ходят не каждый день. На билете завтрашнее число.

Я посижу. Ничего, посижу как-нибудь. Главное – чтобы не пришли меня искать. Даже не представляю, как буду объяснять, почему сбежала. Объяснений хотелось меньше всего. Сейчас ночь, все спят, но завтра надо будет спрятаться. Главное – чтобы не пришли. Особенно Лан. Лучше помереть

прямо на месте…

Вокзал тут маленький, больше похожий на сарай. Я села на пустую лавку в глубине зала. Слегка знобило, то ли от простуды, то ли от нервов. И клонило в сон.

– Соле!

Он окликнул меня, я едва не подскочила на месте, даже сразу не поняла кто это и откуда.

– Хаген?

Я была готова увидеть кого угодно, но не его.

Он подошел, остановился напротив меня. Неловко улыбнулся.

– Я так и понял, что ты здесь, – сказал он. – Не убегай, Соле.

– Почему? – я растерялась, не так себе это представляла.

Он нахмурился, помялся немного, сел рядом.

– Не надо, Соле… Здесь не просто, конечно, но… неужели там будет лучше?

– Я хочу домой. Мне надоело все это.

– Но ведь ты же хотела? Ты же приехала сюда.

– Меня отправил отец. Я не хотела.

– Ты хотела выбрать стерилизацию? Ты хотела, чтобы из тебя выкачивали всю силу, чтобы контролировали каждый шаг?

– Если я получу лицензию, меня тоже будут контролировать.

Хаген покачал головой.

– Это другое.

– Откуда ты знаешь?!

Он вздохнул, долго молча смотрел перед собой.

– Не знаю, – сказал тихо. – У меня такого выбора не было. Либо Бер-Сухт, либо смерть.

– У меня тоже не было. Меня просто посадили на поезд.

– Ты думаешь, отец примет тебя назад?

Я поняла, что сейчас заплачу.

– Хаген! Какое тебе дело? Что тебе от меня надо?

Он повернулся ко мне, потом поднялся со скамейки, постоял и присел на корточки рядом, взял меня за плечи.

– Соле… – он старательно подбирал слова. – Мастер Патеру говорит: магия это жизнь. Если ты лишишься своей силы, ты лишишься части себя. Это медленная смерть. Они вытянут из тебя все. Так нельзя, Соле. Не делай этого, пожалуйста.

– Но моя мама… – я начала и прикусила губу.

Моя мама умерла. Да, она умерла от оспы, но… Я плохо помнила ее.

«Вы знаете, от чего она умерла?» Зеленые глаза мастера Ил-Танки смотрят на меня. Мне вдруг показалось, что он знал больше…

– Останься, Соле, – попросил Хаген.

Тревога на его лице. Ему не все равно, он за меня переживал.

– Нет, – сказала я твердо.

Я приняла решение и остаться не могу.

Ну, как я вернусь? Как я объясню, почему сбежала? Как я буду смотреть Джаре и Лану в глаза.

Просто не могу представить, как я вернусь и все это продолжится… Нет!

Хаген долго молчал.

– Хочешь, я принесу твои вещи, – наконец спросил он.

Я покачала головой.

Если забрать вещи, они пойдут меня искать, будут спрашивать. Нет, я не хочу.

– Иди обратно, Хаген. Уходи.

– Я посижу с тобой, – серьезно сказал он. – Мало ли что.

– Что?

– Мало ли… Ты одна тут, посреди ночи.

Я тут, а Лан с Джарой, наверно. Им там хорошо… Как я могла ничего не замечать? Все понимали, кроме меня. Смеялись, наверно. И Хаген тоже все знал, он ведь даже не спрашивает, что случилось. Он все знает. Одна я…

Чувствовала себя полной дурой.

– Холодно? – спросил Хаген.

– Угу.

У меня уже зубы стучать начали.

– Слушай, Соле, «Морской дракон», в которого вы ходите, открыт до утра. Пойдем? Хотя бы погреемся.

* * *

– Не бойся. Просто слушай музыку, – сказал Хаген.

– Ты же говорил, что не умеешь?

– А я и не умею, – он улыбался. – Здесь никто не умеет. Ты посмотри, все просто прыгают как попало. Главное – попадать в ритм и не наступать соседям на ноги. Хочешь, я возьму тебе чего-нибудь выпить?

Я в «Морском драконе» не в первый раз, а вот Хаген никогда не ходил с нами, сомневаюсь, что он был здесь один. Но, тем не менее, чувствовал он себя вполне уверенно. И с ним было спокойно. Удивительно, но намного спокойнее, чем с Ланом. Может быть с Ланом я как-то подсознательно чувствовала подвох?

Танцевать Хаген действительно не умел, даже у меня выходило лучше. Но он старался. И даже больше старался не наступать мне на ноги, чем танцевать.

Он принес мне водки, я выпила, и как-то сразу похорошело и стало плевать. Мы прыгали как сумасшедшие, веселились. В бездну все! Если спросят – скажу, что ходила с Хагеном на танцы. Имею я право, в конце концов!

От тепла, от выпитого и пережитых волнений быстро начали заплетаться ноги, да и простуда добавила свое. Я еще как-то пыталась держаться, не танцевать, конечно, но хотя бы сидеть. Но к концу ночи силы мои закончились, я начала клевать носом, и даже чуть-чуть заваливаться Хагену на плечо. Еще немного и…

В какой-то момент поняла, что Хаген поднимает меня и куда-то несет.

– Что? Ты куда? Не надо… – попыталась было я.

– Все нормально, Соле. Спи.

– У меня поезд…

– У тебя поезд завтра, не волнуйся.

Он говорил так спокойно и уверенно, что я решила не протестовать.

* * *

Проснулась в своей кровати, в Бер-Сухте.

За окном уже светло.

Я затаилась, прислушалась, с моего второго этажа кровати комнату видно не очень хорошо. Внизу кто-то был. Я слышала, что топят печку – скрипнула дверца, поленья трещали, слышала, как шебуршали в углях кочергой.

Выглянула осторожно.

Перед печкой сидел Хаген. Больше никого.

– Хаген! – позвала я.

Он обернулся, улыбнулся мне.

– Проснулась? Как себя чувствуешь?

Я была готова убить его на месте.

– Это ты притащил меня сюда? Зачем? Ты что… и что теперь делать?

– Твой поезд завтра утром, так что не волнуйся, – спокой-

но сказал он.

Да как же не волноваться?

– Какого хрена?!

– Поспишь в тепле, – сказал он. – А то совсем разболеешься.

Поднялся на ноги, подошел ко мне. Он такой здоровенный, мог легко заглянуть на второй ярус, даже через бортик. У него были темные-темные, почти черные глаза. Сожаления в этих глазах не было.

– Я не собиралась возвращаться! – сказала я. – Как же уехать теперь?

– Точно так же, – сказал он. – Соберешь вещи и поедешь.

– Я не хочу никому ничего объяснять!

Вдруг подумала – ведь пока ничего нет, можно сбежать снова. Даже вещи собрать. Главное успеть.

– Сколько время? Все на занятиях?

– Около двенадцати.

– А ты почему тут?

– Решил посидеть с тобой. На всякий случай.

– Так…

Я глубоко вздохнула, потрясла головой, пытаясь собраться с мыслями. Быстро полезла вниз с кровати, чуть не навернулась со ступенек, но Хаген успел поймать меня. Я буркнула что-то вроде «спасибо», достала чемодан, принялась запихивать туда вещи.

Хаген стоял, смотрел.

– Останься, Соле, – сказал он. – Подожди, не торопись. Подумай еще немного.

– Нет. Я уже купила билет.

– Его можно сдать.

– Хаген! – я вдруг поняла. – Это у тебя был такой коварный план? Напоить меня, а потом притащить сюда? Чтобы я быстрее согласилась? Ведь так?

– Так.

– А я тебе доверяла!

– Зря, – хмуро сказал он. – Доверяй только своему сердцу.

Мое сердце упорно говорило, что ему можно доверять. Что Лану нельзя, а ему можно. Но этого я, конечно, решила не говорить.

Он стоял передо мной, очень сосредоточенный, плотно сжав губы, словно внутри у него шла нешуточная борьба. Уставший…

– Слушай, – сказала я. – А ты что, нес меня от самого «Дракона»? И по лестнице?

– Да, – сказал он.

Это ведь только по городу полчаса ходьбы быстрым шагом, а по лестнице наверх вообще… помереть можно.

– Зачем?

Хаген не ответил, только тихо неопределенно фыркнул, пожал плечами. Что тут скажешь. Он хотел, чтобы я осталась. Неужели, это действительно так важно?

– Хаген, я не могу…

Он сделал шаг ко мне, и вдруг замер… словно увидев что-то за моей спиной.

– Можешь.

Это не он сказал. Это другой. Я даже не успела заметить, как он вошел, была слишком занята собой. Испугалась.

Кожаный Человек. Он стоял в дверях, смотрел на меня своими круглыми немигающими зелеными глазами.

Ну все, я пропала… теперь мне точно не удастся сбежать.

Я попятилась. Ближе к Хагену… он сделал шаг вперед и в сторону, частично закрывая меня собой. Но разве от мага-псионика можно так защитить? И все же, я была Хагену благодарна. Больше всего хотелось провалиться куда-нибудь сквозь землю.

– Выбор всегда за тобой, – холодно сказал мастер Ил-Танка. – Но ты должна понимать, что за пределами Бер-Сухта тебя никто защитить не сможет.

– От чего? – Хаген успел первым.

Ил-Танка теперь смотрел на него и говорил с ним.

– У Литьяте на нее свои планы.

– А у Бер-Сухта на нее планов нет? – в голосе Хагена был вызов.

Я видела, он не боялся Кожаного Человека. А если и боялся, то… Хаген был готов сражаться за меня.

Мастер Ил-Танка рассмеялся.

– Ты задаешь хорошие вопросы. Есть, конечно. Да, у Бер-Сухта тоже есть планы на Соле. Разница в том, что Литьяте

видит в ней угрозу, а мы – союзника.

– Какие планы? – осторожно спросила я.

– Сначала я думал, что дело в твоих снах, Соле, – сказал мастер. – Салотто, огонь, падающий с небес. Это может случиться скоро, и ты можешь сыграть в этом ключевую роль. Пока сложно сказать какую. Но дело даже не в этом. В Литьяте полно магов, которые способны защитить город от любой огненной горы. С тобой или без тебя. Я бы сказал даже, что огонь над Салотто выгоден им, это сразу развяжет руки. Но они видят угрозу в чем-то другом и хотят себя обезопасить. Ты опасна для них, и огонь тут не причем.

– Что значит опасна? Как это может быть? – спросил Хаген.

– Я ведь никогда не сделаю ничего такого… – пискнула я.

– К сожалению, у меня пока нет всех ответов, – сказал мастер. – Но я бы не советовал Соле покидать город.

Я… это какой-то бред, так не может быть. Причем тут я? Уронить горящую гору на Салотто… Сделать что-то похуже? Это невозможно, просто никак! Я люблю свой город, и я… да я спичку не могу магией зажечь, какая может быть угроза?! Бред!

– Вы сказали, огонь над Салотто выгоден им? – переспросил Хаген.

Мастер Ил-Танка чуть усмехнулся, кивнул.

– Город они защитят, если захотят, конечно. Это не проблема. И обвинят во всем Этор. Даже войны не будет, тут

не осталось магов, способных реально противостоять. Просто повод, чтоб прижать окончательно, ввести свои правила. Земля Илитрии истощена, море – мертво, а здесь еще хватает ресурсов. Гораздо проще брать не спрашивая и не советуясь.

От всего этого даже голова начала кружится, пришлось схватиться за Хагена. Я ничего не понимала. Не хотела верить, что это может быть правдой. Это было уже слишком.

– А причем тут я?

Мастер пожал плечами.

– Сложно сказать. Есть точка пересечения множества лучей, и ты в этой точке. Или где-то поблизости. Ты можешь оказать влияние, возможно, не решающее, но значимое.

– А Лан? – не удержалась я.

– И Лан тоже. Но он стоит дальше.

И Хаген.

Это все неправда. Мне казалось, я сейчас проснусь, и все станет на свои места.

– Твой отец тоже знал это, Соле, – сказал мастер. – Он был уверен, что отправить тебя в Бер-Сухт – лучше, чем в Литьяте.

Что-то задело меня в этих словах… он был уверен…

* * *

К вечеру у меня поднялась температура.

Меня знобило, я то засыпала, то просыпалась снова. Хаген поил меня отвалом зверобоя с календулой, сидел рядом.

Сквозь сон я слышала разговоры, иногда мне казалось, что говорят обо мне.

– Так она избранная? – смеялась Джара. – Прям по-настоящему?

– Нет никакой радости быть избранным, – серьезно говорил Лан. – Избранные – либо герои, либо жертвы, что по сути, одно и то же. Много ли ты видела живых героев?

Джара вообще героев не видела и не верила, что они бывают. Это все глупости и народный фольклор, или грамотная политика, как вариант. Не бывает настоящих героев. Разве по глупости кто…

Ина говорила, что в герои я точно не гожусь. Если и сделаю что-то значимое, то только по недоразумению.

Я была согласна. Да, по недоразумению я могу.

Объяснять ничего не пришлось, все и так все узнали. Это было хорошо и страшно одновременно. Мне было стыдно за себя, неловко. И в то же время хорошо, что не нужно ничего делать самой. Хаген рядом…

Хаген аккуратно поправлял сбившееся одеяло.

* * *

– Вот, – Лан достал из кармана и положил на стол деньги.

– Что это?

– Я сдал твой билет, – сказал он. – Если захочешь уехать, то сможешь купить новый.

– Спасибо, – сказала я.

Он так странно на меня посмотрел.

– Только Ил-Танка не позволит тебе уехать, Соле.

Я уже поняла. Я хотела знать только одно – хочет ли Лан, чтобы я уехала. Я бы все отдала, чтобы тогда Лан, а не Хаген побежал а мной, чтобы вернул, чтобы уверял, что я нужна ему.

Лан смотрел мне в глаза. Все что угодно я видела, в его глазах, только не любовь.

– Я тоже не позволю, – глухо сказал он.

– Почему? – осторожно спросила я.

Он отчетливо скрипнул зубами. Словно я – его личное проклятие.

– Ты нужна мне, Соле.

Глава 6

– Вставайте! Эй, давайте! Там ваши парни что-то задумали.

Раннее утро, я еще толком не проснулась и сквозь сон не очень понимала, кто это и чего хочет.

Оказалось – Алара, девочка со второго курса.

– Там парни, которые в вашей комнате живут, взяли на кухне самые большие ножи и ушли. У одного нос разбит, он там всю кухню кровью закапал. И что-то мне это не нравится.

Она явно была взволнована.

Мне тоже не понравилось.

– А нос у кого разбит? – спросила Джара. Она уже одевалась.

– У Лана. Это который блондин, из Литьяте. Я сначала не обратила внимания, они так деловито выбирали, смотрели, этот Лан даже смеялся. Но кровь…

Алара нервно стискивала руки.

Смеющийся Лан с большим ножом и разбитым носом…

– Куда они пошли? – спросила Джара, натягивая сапоги. Настроена она была очень решительно.

Я поняла, что нужно тоже собираться. Вылезла из кровати, взяла куртку.

– Не знаю… куда-то вниз, – сказала Алара. – Они не стали

со мной разговаривать.

– Ина, зови парней, – велела Джара. – Соль, ты со мной!

Она неслась по обледенелой лестнице, прыгая через три ступеньки, я совсем не поспевала за ней. Обычно, я ходила здесь осторожно-осторожно, по стеночке, хватаясь за все подряд, а еще лучше, когда кто-то поддерживал под руку. Теперь приходилось бежать. Я честно старалась. Но не могла. До слез. Кое-где на ступеньках виднелись капли крови. Джара уже давно скрылась где-то внизу, я торопилась… дрожа и поскальзываясь. Даже грохнулась и проехала на попе полпролета. Но, к счастью, меня догнала Ина. Кер, брат Регара, подхватил меня, поставил на ноги. Вместе было проще.

От лестницы в сторону вели три цепочки следов, две – больших мужских, и одна – от изящных сапожек Джары. Найти их было несложно. За поворотом.

Джара стояла рядом с Ланом, что-то напряженно доказывая ему, Хаген чуть в стороне. Куртку он снял, бросил на камни рядом, в руке блестел большой нож для разделки рыбы. Никогда не видела Хагена таким, даже не представляла.

У меня ноги подкашивались.

– Что происходит?! – закричала я.

Хаген повернулся ко мне, он был страшно спокоен внешне, только в глазах яростно горел огонь.

– Все нормально, Соле, – сказал он. – Это просто игра, не волнуйся.

– Небольшой дружеский поединок, – громко сказал Лан. –

Почти, как до первой крови. Кто скажет, что хватит, тот и проиграл.

Он широко улыбался, но в глазах был лед. Жесткие такие глаза. Жестокие. Никакой пощады ему не надо. Нос заметно распух, но кровь уже не капала.

Я смотрела на них и понимала – никто не сдастся, никто не попросит пощады, даже истекая кровью. Это не игра, это насмерть.

– Если убьешь его, я тебе не только нос, я тебе шею сверну, – сказала Джара.

Я понимала, она не шутит. Она может.

Мне стало так страшно…

– Да вы что! – почти всхлипнула я. – Так же нельзя! Лан, прекрати!

– Это не он, это была моя идея, – сказал Хаген, так неловко, словно извиняясь. – Моя. Поняла? Либо так, либо я просто сброшу его с лестницы.

– Да вы что… почему?

– У него есть основания, – ухмыльнулся Лан. – Все честно. Это наше личное дело.

Регар шагнул вперед.

– Прекратите, – сказал он. – Не заставляйте вас растаскивать.

– Нет, – Лан покачал головой. – Либо мы решим все сейчас, либо потом, но более грязным способом. Рано или поздно. Не лезьте.

Я представила, как однажды, у подножья скалы найдут труп, припорошенный снегом. Представила, как буду бояться этого, смотреть…

– Если Патеру узнает, вас отчислят, – сказала Ина.

– Не отчислят. Все скажут, что мы подрались в городе, с местными. Такие драки случаются, и ничего.

– Тебе легко говорить, Лан, тебя в худшем случае просто выставят за дверь. А Хаген…

– Да плевать я хотел! – рявкнул Хаген. Глаза полыхнули так страшно, что захотелось пригнуться. – Давайте уже! Лан!

Лан кивнул, шепнул что-то Джаре на ухо, снял куртку, бросил на землю рядом.

– Начнем.

У него был настоящий армейский офицерский клинок, я видела такие у моряков в Салотто, у тех, что приходили к нам в дом. Кинжал, длиной почти в локоть, легкий, с хорошим балансом, удобно лежащий в руке. И Лан явно умел с ним обращаться. Даже взял, крутанул в руке, как заправский фехтовальщик, усмехнулся, словно это и правда только игра.

У Хагена, с его ножом, не было шансов.

До первой крови – пыталась убедить сама себя, ничего страшного не случится… пара царапин…

Хаген смотрел решительно и хмуро, очень серьезно… пара царапин его не устроит, он ведь уже разбил Лану нос. А теперь готов убить. На самом деле.

Да что же произошло у них там?

Меня трясло, от страха сводило живот, прямо до тошноты. Одновременно хотелось убежать и не видеть этого, и… не смотреть я не могла. Не могла оторваться.

Они стояли друг напротив друга. Хаген – огромный, словно медведь, чуть-чуть неуклюжий, насупленный. Лан – быстрый поджарый гепард… чушь все это. Двое парней, готовые сцепиться.

Кто…

– Ставлю на Лана, – усмехнулся Кер за моей спиной.

– Заткнись! – шикнула на него Джара, с неожиданной ненавистью.

Я понимала ее. И не могла пожелать победы ни одному. Нет… Если один победит, для другого это может кончиться плохо. Плохо для обоих. Мне было страшно. Я не понимала причины, и тем более не могла понять, как зачинщиком мог оказаться Хаген, от него сложно такое ожидать. Он всегда очень спокоен, уравновешен, а тут… Невозможно. Должно было случиться что-то невероятное.

Хаген не умел драться и понимал это.

Кухонный нож стиснут в кулаке, плечи и шея напряжены… Хаген пытался немного обойти Лана сбоку… Лан легко и расслабленно переминался с ноги на ногу, едва заметно поворачиваясь. Кружили. Молча, ни единого слова. Бесконечно тянулось время.

Первым ударил Хаген. Он бросился вперед всем корпусом, широким мощным замахом. Едва не потерял равнове-

сие, когда Лан уклонился – чуть в сторону и назад, почти неуловимо, но он оказался в недосягаемости, в двух шагах. Хаген ударил снова, пытался достать его. Лан не отвечал, даже не защищался, просто легко уходил в сторону.

Хаген терял терпение. Раз за разом его удары уходил в пустоту. Удар, целая серия, один за одним… но Лан вертелся угрем, он словно знал заранее… а, может, и знал. Лан, как маг, умел гораздо больше, чем кто-то из нас. Мне даже сложно представить, что он умел на самом деле. Это не честно. Лан старше и опытнее. И в магии опытнее, и уж в фехтовании – наверняка, учитывая его семью. Не честно. Но и Хаген не мог не понимать, во что ввязывался.

Зачем?

Выпад. Р-раз! Когда Хаген едва не растянулся, потеряв равновесие, за моей спиной заржал Кер. Брат толкнул его в бок, чтобы заткнулся.

У Хагена не было шансов.

Сколько это будет продолжаться? Почему Лан ничего не делает? Он ждет, когда Хагену надоест?

Кошки-мышки.

Круг за кругом. Грязный, утоптанный снег под ногами.

Я уже не могла на это смотреть.

И боялась развязки.

Все случилось быстро и как-то… скомкано.

Очередной удар. И Лан, вместо того, чтобы уйти, хватает Хагена за руку, пригибается, перебрасывая через себя. И тут

же, спустя мгновенье, уже прижимает его коленом к земле. Нож к горлу.

– Сдаешься?

Напряженно, словно последний шанс.

– Нет.

Одним резким движением Лан прочертил у Хагена на груди широкую полосу. И тут же отскочил. У меня заложило уши – звон, словно лопались натянутые струны.

Хаген поднялся на ноги. Я видела его лицо – застывшее, злое. А Лан стоял ко мне спиной.

– Ну! – крикнул Лан. – До первой крови? Хватит?

Хаген зарычал, словно зверь, оскалился. И снова кинулся в бой.

В этот раз Лан не сделал ни единого движения, чтобы увернуться. Просто стоял. Хаген налетел на него, словно на скалу. Я видела руки Лана, видела, как он с размаху всадил кинжал Хагену в бок, рванул в сторону. Видела, как хлынула кровь. Алое на белом.

И звон…

Первая закричала Джара. Страшно, словно этот кинжал вошел в нее. Потом Ина. Я не могла. У меня ком встал поперек горла, я не то что кричать не могла, но даже вздохнуть.

Хаген упал молча.

Навзничь, широко раскинув руки.

Все кинулись к нему. Только Лан попятился, отошел в сторону. Вытер о штаны окровавленный кинжал.

– Ничего, он выживет, – сказал громко, голос дрогнул, но лишь слегка. – Выживет. Тащите его наверх.

Я не могла даже шевельнуться. Так и стояла, прижимая руки к груди. Джара уже перевязывала Хагену рану его же сорочкой, порванной на куски, Ина помогала ей. Братья обсуждали, как лучше нести по лестнице, Хаген здоровенный, тяжелый.

Лан стоял чуть в стороне.

Прямо стоял. Неподвижно. Только прижимая к себе левую руку, локтем к боку. Я сразу не заметила и не поняла толком, но на сгибе локтя виднелась рукоять ножа. Так, словно все лезвие ушло под ребра… Я не видела крови, но на темно-синей рубашке сразу не разглядеть…

– Лан… – тихо начала я.

Он покачал головой.

– Соле, вы идите… я догоню…

Облизал губы.

Нет, такого не может быть…

* * *

Хаген лежал в своей кровати, никакой отдельной комнаты для больных тут не было. Мастер Сольве, маг-целитель, сидел рядом.

– Ему повезло, – говорил мастер, – что он прошел присягу в Литьяте. Это спасло его.

Серебряные нити, пронизывающие кожу, дают защиту. Не только от магии. Нити сохраняют и поддерживают тело, заживляют раны. Если б не это – Хаген был бы мертв.

Я видела такое впервые. Стояла рядом, смотрела, как рана затягивалась на глазах, почти невероятно. Сначала нити соединялись сами, такие тоненькие серебряные волоски, слово живые, сцеплялись, срастались… потом стягивалась кожа вокруг них. Три явных спайки, потом дальше. Так странно, словно не по-настоящему. Мастер сказал, что заживление идет и внутри. Процесс не быстрый, главное, чтобы у парня хватило сил, чтобы справился. Все же, Хаген потерял много крови. Пока он был без сознания, бледный и холодный, но все же…

А ведь Лан знал, что Хагена так просто не убить.

Я не понимала пока, как мне к Лану относиться. Ненавидеть за то, что Хагена чуть не убил? Жалеть? Был ли выбор?

Что же случилось у них?

Лан пришел минут через сорок. Он успел отдышаться после подъема, но волосы все еще были мокрые, слипшиеся от пота. Зашел на кухню, положил на место нож. Почти упал на свою кровать, сел, прислонившись спиной к стене, закрыл глаза.

Мастер Сольве уже собирался уходить.

– Мистер Латаре, – сказал он Лану. – Думаю, вам стоит зайти к мастеру Патеру и все объяснить.

А ведь за все время он даже не спросил, что случилось.

Никто не рассказал ему нашу версию.

– Хорошо, – кивнул Лан. – Сейчас зайду.

– Вам тоже нужна помощь?

– Нет, – Лан покачал головой. – Мне не нужна. Все нормально.

– Как хотите.

Так, словно все это в порядке вещей.

* * *

К вечеру Хаген открыл глаза. Попросил воды.

Ина сварила ему куриный бульон.

– Что у вас случилось? – пыталась спрашивать я.

Он молчал. Смотрел на меня и молчал. Ничего не хотел рассказывать. Мне почему-то казалось… мне казалось, я знаю…

Лан вернулся ночью. Я лежала в кровати и все вертелась, не могла уснуть, услышала, как Лан прошел по коридору на кухню, как звякнул чайником, наливая воды. Все ждала, когда он придет спать, но он не шел.

А может, это не он? Кто-то другой пришел там.

Лана ведь не отчислят? После такой драки – вполне могли бы.

Осторожно спустилась, завернулась в одеяло, выглянула.

Лан сидел на кухне, на табуретке, привалившись к стене, закрыв глаза.

– Лан, – позвала я.

Он открыл глаза, сел прямо. Какой-то осунувшийся, страшно уставший, нос еще немного распухший, красный с одного боку.

– Соле… ты чего не спишь?

– Я услышала, как ты пришел. Все нормально?

– Да, – сказал он.

– А мастер Патеру…

Лан отмахнулся – все нормально, нечего беспокоиться.

И все же я сомневалась.

– Что он сказал тебе?

– Ничего, Соле. Это не важно. Мы поговорили, я все объяснил, драки иногда случаются, главное, что все живы. Мне, конечно, прочитали лекцию о поведении… но ничего такого.

Это неправда.

Вернее, я почти верю, что все именно так, но у этого должны быть причины, о которых мастер Патеру тоже знает.

Лан бледный совсем, капельки пота на висках.

– Лан… послушай… ты тоже ранен?

Он вздрогнул, нахмурился, какое-то время молчал, обдумывая. Потом кивнул.

– Да, немного. Ничего страшного. – И тут же, упреждая мою попытку броситься и полечить. – Все уже перевязали и посмотрели, не волнуйся. На мне все заживает, как на собаке.

Я закусила губу. Как на Хагене – подумала отчего-то.

Лан – маг Лильяте… почти маг.

– Да, Соле, – Лан вымученно улыбнулся, – я ведь настоящий боевой маг.

Недоучка, тоже мне… Я вздохнула. Поплотнее завернулась в одеяло, подошла ближе, кричать через всю кухню не хотелось.

– А ведь ты знал, что Хагена… ну, что его невозможно убить?

Лан хмыкнул.

– Почему невозможно? Возможно. Если в сердце и или в голову, или артерию перерезать. Главное – быстро, тогда нити не успеют среагировать. У него вообще защита самая базовая.

– Откуда ты знаешь?

Глупый вопрос.

– Знаю, – он пожал плечами.

Я стояла… очень хотелось спросить о главном, но я не решалась. И так уже спрашивала, но никто не хотел мне отвечать. Может и правда, это не мое дело?

Уйти?

Тихо отчаянно шмыгнула носом.

– Соле, – Лан снова улыбнулся, но на этот раз очень так легко и искренне. – Какая ж ты…

Встал, подошел, взял меня за плечи.

– Какая? – я слегка обиделась.

– Смешная, – сказал он. Его глаза улыбались тоже. При-

тянул меня к себе, обнял, чуть потрепал по волосам на затылке. Как ребенка.

– И совсем не смешная, – фыркнула я.

Он тихо рассмеялся.

– Ты очень хорошая, Соле. Такая милая маленькая девочка.

Маленькая девочка! Джара, вот, не маленькая девочка, она женщина! С ней все иначе! На нее он смотрит совсем не так. А я… Я дернулась было из его рук, попыталась освободиться, но держал он крепко.

– Отпусти! – дернулась снова.

– Подожди, Соле. Не обижайся, ну, что ты… Соле! Мне нужно тебе многое сказать…

– Не надо, – попросила я. Обида и злость одновременно, я не знала, что делать. – Лан, не надо… мне все время кажется, что ты играешь со мной. Что используешь…

Я закусила губу.

Глаза у него такие голубые-голубые, ясные, я просто терялась в этих глазах. Таяла. Понимала, что как бы ни обижалась, все равно не могу ничего сделать.

Лан вдохнул – глубоко, словно собираясь нырнуть, задержал дыхание. Долго смотрел на меня.

– Я люблю тебя, Соле! – сказал он вдруг, голос слегка дрогнул.

– Что?

Мне показалось, это только послышалось. Нет, это

неправда, это тоже игра.

– Я тебя очень люблю. Соле… Это все непросто… Ты знаешь, почему Хаген разбил мне нос? Он хотел, чтобы я больше не подходил к тебе. Он считает, что с моей стороны это несерьезно, что я… – Лан тяжело вздохнул. – Соле, думаю, он просто ревнует. В любом случае, выбор за тобой. Ты сама должна принять решение. Никакой дракой это не решить. Только ты сама.

– Я? Сама? – У меня кружилась голова, я не понимала. Я должна выбрать? Что?

– Соле… – Лан опустился на колени, все еще держа меня за руку. – Соле, послушай, я люблю тебя и хочу, чтобы мы были вместе. Я не так уж много могу тебе предложить, я порвал с семьей, у меня ничего нет. Но ведь мы станем заклинателями, получим лицензию, а это хорошая работа. Ты не пожалеешь, Соле.

Мне все казалось, я чего-то не понимаю.

Лан смотрел мне в глаза…

– Соле, милая, ты станешь моей женой?

– Ты с ума сошел?

Это неправда. Я не понимала, зачем он говорит это.

Не может быть правдой.

Но глядя в его глаза, я терялась, словно уплывая куда-то, и так хотелось верить. Лан улыбался мне. Он обнимал меня так нежно…

– Лан… – я выдохнула, пытаясь хоть как-то с этим спра-

виться.

Как бы мне хотелось, чтобы это было правдой!

Он дрался за меня. Где уж серьезнее подтверждение?

Он улыбался… он так улыбался мне, что я не могла оттолкнуть его сейчас.

Глава 7

Самое странное – Джара смотрела на меня с сочувствием.

Я думала, она будет злиться, так же, как злилась в самом начале, когда Лан подарил мне серебряный цветок. Но нет. Джаре было все равно. Более того, она как-то тихо и незаметно начала меня опекать – помогать по мелочам, и в быту и в учебе.

Сначала я боялась – как все будет, что я скажу, как объясню… но, оказалось, говорить ничего не нужно. Лан совершенно четко и прямо давал всем понять, что я теперь его девушка. Он брал меня за руку, обнимал при всех, нежно целовал в щечку. Он каждый раз помогал мне подниматься и спускаться по лестнице, всегда старался быть рядом. Мне очень льстило его внимание…

Он никак не пытался оправдаться или объяснить то, что было между ним Джарой раньше. Мы не говорили об этом. Я старалась не думать. Что было – то было, уже не имеет значение. Важно только настоящее.

Счастлива ли я была? Сложно сказать. Наверно… Но я не чувствовала твердой почвы под ногами. Не было уверенности. Мне казалось, я иду по воде, какое-то волшебство держит меня, но один неверный шаг и…

Боялась ошибиться снова.

Пока мы ни разу не оставались наедине. То есть, мы были вдвоем, гуляли по городу и в окрестностях, иногда вокруг не было совсем никого. Но… хм… настоящей близости у нас не было. Пожалуй, и хорошо, я пока была не очень готова. Я хотела этого, но при мысли, что все может случиться вот-вот, у меня подкашивались ноги. Нет, – говорила я себе, – у нас ведь серьезные отношения, нам некуда торопиться.

Я знала, что у Ины с Регаром тоже все серьезно. Еще видела, что вечерами они часто уходят куда-то наверх. Краем уха слышала, что там есть специальная комната, где тепло, есть печка, дрова, конечно, все покупают сами… Побыть вдвоем… Я там ни разу не была.

Я знала, что Джара не скучала одна. Да она и не была никогда одна, Лан – так… Видела рядом с ней высоченного тощего парня с третьего курса, Вэя, кажется, видела, что Джара ему очень нравится. Да и может ли кому-то не нравиться Джара? Джара – это огонь.

Я слышала, что Кер, брат Регара, встречался с какой-то девочкой в городе.

Хаген всегда был один.

И без того молчаливый и необщительный, он совсем замкнулся. Почти не разговаривал, лишь очень скупо, по необходимости. Я чувствовала себя виноватой… Это из-за меня. Он ведь так пытался мне помочь…

Я все хотела поговорить с ним, но при всех не решалась, а наедине не выходило. Никак не могла оказаться с ним на-

едине. Иногда мне казалось – Хаген сам избегает меня, уходит от разговора.

Я не понимала. Что-то произошло. Что-то очень нехорошее…

* * *

Рыба подорожала.

Еще не сильно, но заметно. Первая на это обратила внимание Ина, они с Регаром ходили на рынок, пришли такие серьезные, хотели купить кальмаров, но ничего не нашли. Рыбы вообще стало меньше. Ина пыталась говорить с торговцами, пыталась узнать – да, рыбаки все так же ходят в море, но приносят меньше. Море постепенно пустеет. Говорили, что еще лет двадцать назад рыбы было полно, хоть руками лови, а теперь лодки все чаще приходят пустыми. Почему? Ну, вот вам, магам, лучше знать, это же вы…

Нет, прямо пока никто не обвинял, но смотрели косо.

С тех пор, как Этор стал частью метрополии – дела все хуже.

И у Лана тоже. Работы в городе стало меньше, едва хватало своим, студентам платить не хотели. Да и свободного времени у Лана мало, не то, что летом. С утра занятия, по вечерам он уходил, но все чаще приходил ни с чем. На еду пока хватало, но вот в «Морского дракона» мы почти не ходили.

Наверно, к лучшему, у меня теперь совсем не было желания туда ходить.

Каждый раз я вспоминала, как мы танцевали с Хагеном. Тогда мне было действительно хорошо, было так легко и просто.

Иногда я ловила себя на мысли, что если бы это он тогда взял меня за руку, сказал, что…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.